Н. Виноградскій.

П23
В-6

ЗАМѢЧАНІЯ

на книгу Мельникова

„Блуждающее богословіе“.

МОСКВА.
„Русская Печатня“. Садовая-Тріумфальная, д. № 14.
1912.

БИБЛІОТЕКА
ЕНТРАЛЬНОГО
НТИРЕЛИГІОЗНОГО
МУЗЕЯ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
059
54

ЗАМѢЧАНІЯ НА КНИГУ МЕЛЬНИКОВА

„Блуждающее богословіе".

Многіе профессіональные защитники и друзья русскаго раскола—старообрядства въ послѣднее время очень носятся съ книгою Ѳ. Е. Мельникова „Блуждающее богословіе", вышедшей въ 1911 году: усердно рекламируютъ ее въ своихъ газетахъ и журналахъ, читаютъ изъ нея выдержки на собесѣдованіяхъ и усиленно приглашаютъ православныхъ миссіонеровъ вести разсужденія на темы, затронутыя этой книгой, видимо, увѣренные въ непобѣдимости доводовъ ея автора. „Сочиненіе" написано бойкимъ фельетоннымъ слогомъ, содержитъ массу ссылокъ на символическія и богословскія книги греко-россійской Церкви, на многочисленныя статьи изъ газетъ и журналовъ, снабжена, такъ сказать, всѣмъ наружнымъ ученымъ аппаратомъ вплоть до выдержекъ на латинскомъ и греческомъ языкѣ (стр. 34, 35 и друг.) и при бѣгломъ чтеніи можетъ производить сильное впечатлѣніе, особенно на людей, недостаточно знакомыхъ съ обсуждаемыми въ книгѣ вопросами.

Даже и духовная наша печать подъ первымъ впечатлѣніемъ нѣсколько переоцѣнила эту книгу, кажется, именно за ея мнимо научный аппаратъ. „Богословскій Вѣстникъ", напримѣръ, въ декабрьской книжкѣ 1911 года принимаетъ положеніе Мельникова о разномысліи у православныхъ богослововъ по „основнымъ церковнымъ догматамъ" какъ-бы неоспоримо доказаннымъ, приноситъ даже „благодарность" Мельникову за его „обличенія" и за „урокъ", который должны извлечь изъ этой книги наши богословы, „необдуманно бросающіе на бумагу и предающіе тисненію свои слова", и утѣшается только тѣмъ, что „разномыслiямъ между нами должно быть, дабы открылись искусные" и что разномыслiе это „убѣдительно доказываетъ, что въ русской церкви есть живая богословская мысль" (стр. 853—55 „О разномыслiи", С. Глаголевъ). „Миссіонерскій Сборникъ" хотя понялъ эту книгу ближе къ ея истинному достоинству, однако въ свою очередь пишетъ,

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ

будто „старообрядцы безъ различія партій и согласій встрѣтили сочиненіе Мельникова очень сочувственно“... и будто „можно быть увѣреннымъ, что сочиненію этому придется играть значительную роль, какъ въ исторіи взаимныхъ отношеній православія и раскола вообще, такъ и въ полемикѣ между ними въ частности“... (стр. 973. Декабрь 1911 г. „Ученіе книги „Жезлъ“ о времени пресуществленія Св. Даровъ“. И. С.).

Въ дѣйствительности-же нѣтъ никакихъ основаній не только благодарить автора „Блуждающаго богословія“ или обѣщать его сочиненію роль и значеніе въ будущемъ, но даже утверждать, будто это сочиненіе „очень сочувственно встрѣтили старообрядцы безъ различія партій и согласій“. Умѣстнѣе будетъ, пожалуй, прежде всего, пожалѣть, что подобныя сочиненія не встрѣчаютъ должнаго къ себѣ отношенія со стороны тѣхъ, на комъ лежитъ огражденіе Церкви и ея святыни отъ публичнаго поношенія и глумленія. Конечно, не о цензурѣ свободной мысли мы здѣсь жалѣемъ, а о томъ, что у насъ на Руси мало имѣетъ преградъ свобода площаднаго краснорѣчія, каковое въ культурныхъ государствахъ запада строго преслѣдуется.

Вѣдь только довѣрчивый теоретикъ изъ „Богословскаго Вѣстника“ можетъ благодушно повѣрить, что подъ „блуждающимъ богословіемъ“ Мельниковъ разумѣетъ русское православное богословіе—школьное. Мельниковъ же уже на заглавномъ листѣ поясняетъ, что подъ „блуждающимъ богословіемъ“ онъ имѣетъ въ виду *вѣроученіе господствующей церкви* и въ своемъ „вмѣсто предисловія“ прямо заявляетъ, что его цѣль доказать *„еретичность господствующей церкви“*, что „не обрядность раздѣляетъ старообрядцевъ отъ церкви, а то, что „русская церковь, реформированная Никономъ, съ самаго начала вступила на путь богословскихъ блужданій и *разногласитъ* съ старообрядствомъ въ *основныхъ догматахъ* церковныхъ“. И по адресу, именно, церкви, а не богослововъ ея, а если иногда и богослововъ, то какъ выразителей *церковнаго* ученія, сыплются, какъ изъ рога изобилія, площаднаго характера глумленія Мельникова на протяженіи всего сочиненія. Можно не обинуясь поэтому сказать, что „Блуждающее богословіе“—есть „злой пасквиль“ на православную Церковь, какъ его трактуетъ „Миссіонерскій Сборникъ,— правда пасквиль тенденціозный и малообоснованный, но, именно, потому еще менѣе извинительный. Чтобы не быть голословными, укажемъ для примѣра нѣкоторыя страницы, характеризующія сочиненіе съ указанной стороны: 28, 67, 72, 80, 86, 89, 100, 110, 115, 120, 121, 131, 138, 141, 147, 168, 182, 186, 218, 229, 233. Не

выписывая оттуда цѣлыхъ тирадъ, достаточно отмѣтить, что Мельниковъ православныхъ богослововъ (а подъ ними у него перечислено много почтенныхъ архипастырей живыхъ и умершихъ), именуетъ „безбожниками“; „самыми пустыми и грубыми сумасбродами“; „обманщиками, служащими только чреву своему; людьми, „похожими на ворону въ павлиньихъ перьяхъ“; „дыромоляями и вещевѣрами“; „если бы была возможность всю дѣятельность ихъ и ученіе собрать въ одно цѣлое, то въ это собраніе вошли бы всѣ еретическія вѣрованія, вмѣстились бы всѣ пороки всѣхъ развращенныхъ людей, начиная съ Содома и кончая нынѣшними санистами (sic) и садистами, попали бы сюда и разнаго рода проявленія язычества и атеизма“; это люди, которые „вѣруютъ не въ церковь, а въ полицейско-духовные приказы, нерѣдко продиктованные самымъ грубымъ циничнымъ атеизмомъ“; „ихъ вѣра, что дышло, куда повернулъ, туда и вышло“; „они отъ бѣсовъ примутъ крещеніе“; въ ихъ богословіи, точно въ извѣстной фирмѣ „Мюръ и Мерилизъ“, какой угодно товаръ можно достать“; „они Христа отъ дьявола не могутъ различить“; вѣра и проповѣдь ихъ—это какая-то нечестная игра, возмутительный обманъ и самое грубое мошенничество“...

Мельниковъ не останавливается даже предъ глумленіемъ надъ таинствами св. Церкви: крещеніе онъ называетъ „казеннымъ штемпелемъ“, „клеймомъ“, „тавромъ“, „артиллеріей, дѣйствующей на далекомъ разстояніи“; мvропомазаніе—„это не печать св. Духа, а какая-то смерть священству, подобно яду“: „смерть чернилам“ или „смерть мухамъ“; „мvро православное—нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ всѣ анаѳемы и всѣ богоотступничества“, „оно страшнѣе смерти, ядовитѣе всѣхъ разрушительныхъ средствъ“, „оно убиваетъ Духа Святаго“ (120 стр.); причастіе—это „средство осквернения“ въ рукахъ Синода и т. д. Есть плоскости, которыя и выписывать претитъ, напр., на стран. 89. Само собой понятно, что благодарить автора за сочиненіе съ такой терпкой приправой для православнаго человѣка едва-ли умѣстно.

Но и старообрядцамъ встрѣчать это сочиненіе съ особымъ сочувствіемъ тоже не приходится, такъ какъ оно съ первыхъ же строкъ ниспровергаетъ всѣ основанія, на которыхъ покоилось происхожденіе раскола и дальнѣйшее его обособленіе, торжественно съ небреженіемъ Мельниковъ отбрасываетъ всѣ прежде выставлявшіяся его предками причины ихъ несогласія съ Церковью какъ ничего не стоющія и совершенно фиктивныя. „До настоящаго времени, пишетъ онъ, все еще существуетъ взглядъ на старообрядчество, какъ на обрядовѣріе, церковный расколъ

покоится будто бы только на такихъ вопросахъ, какъ сугубая аллилуіа, перстосложеніе, начертаніе имени Христа Спасителя и т. п., авторъ настоящаго сочиненія до основанія разрушаетъ этотъ ходячій взглядъ на русскій церковный расколъ. Онъ раскрываетъ, что господствующая Церковь разногласитъ съ старообрядчествомъ въ основныхъ догматахъ церковныхъ". (Стр. 1). Послѣ такого отреченія отъ исконныхъ устоевъ раскола хорошо, если авторъ убѣдительно докажетъ еретичество Православной Церкви; а если нѣтъ, что же тогда останется ему и его единовѣрцамъ для извиненія своего обособленія отъ Церкви и за что старообрядцамъ будетъ благодарить своего апологета? Особенно надо удивляться этому сожженію Мельниковымъ своихъ старыхъ кораблей и этой его самоувѣренности, послѣ того какъ болѣе его основательные радѣтели раскола, вродѣ Илларіона Георгіевича Кабанова, уже давно отказались обвинять Православную Церковь къ какомъ-либо еретичествѣ, да еще „въ основныхъ догматахъ". Самое учрежденіе бѣлокриницкой іерархіи, какъ извѣстно Мельникову, предполагало наличность въ расколѣ взгляда на греко-россійскую Церковь, какъ на непогрѣшившую въ догматахъ вѣры: достаточно для этого вспомнить переговоры Павла Великодворскаго съ Амвросіемъ. А что заявляли о православности Церкви въ догматахъ вѣры всѣ тѣ тысячи раскольничествовавшихъ старообрядцевъ, которые, по примѣру жителей с. Знаменки, или Никодима Стародубскаго, Сергія Иргизскаго, Павла Прусскаго и др., перешли въ единовѣріе? Всѣ они въ своихъ прошеніяхъ о дарованіи имъ законнаго священства не обинуясь заявляли, что не только догматы Православной Церкви, но и обряды ея они признаютъ истинными и православными. Въ 20 вѣкѣ, при современномъ состояніи просвѣщенія и ясности исторіи раскола, повторять давно оставленныя невѣжественныя обвиненія первыхъ расколоучителей по адресу Церкви въ еретичествѣ— это значитъ уподобляться (старообрядческому) епископу Геннадію Пермскому, съ его пресловутой „Панопліей отцовъ". (Подробнѣе о ней смотри у Воловея—„Незаконность, недѣйствительность... старообрядческой іерархіи"... Кишиневъ 1911 г.). Этой „Панопліи стыдятся и сами новѣйшіе защитники раскола за то, что авторъ ея въ числѣ больше чѣмъ 30 ересей, отысканныхъ имъ въ Церкви Православной, придумалъ такія и съ такимъ наименованіемъ, какихъ не знаетъ ни одна церковная исторія, и однако нѣкоторыя изъ нихъ Мельниковъ, къ стыду его, повторяетъ вслѣдъ за Геннадіемъ и вообще поддерживаетъ его невѣжественное воззрѣніе на Православную Церковь.

Нѣтъ основанія обѣщать сочиненію Мельникова и будущность: едва-ли ему „придется играть значительную роль въ исторіи взаимныхъ отношеній православія и раскола вообще и въ полемикѣ между ними въ частности". Болѣе внимательное отношеніе къ нему обнаруживаетъ въ немъ, какъ справедливо замѣчаетъ и „Миссіонерскій Сборникъ", такую массу недостатковъ, что прямо таки стыдно становится за всероссійскаго апологета старообрядчества и за тѣхъ, среди кого его произведеніе имѣетъ успѣхъ. По провѣркѣ оказывается, что въ „сочиненіи" своемъ Мельниковъ одно преувеличиваетъ, другое искажаетъ, третьяго не понимаетъ, четвертаго не знаетъ, предъ пятымъ какъ бы нарочито закрываетъ глаза и т. д. и вообще его книга, не представляя чего либо основательнаго, есть лишь типичное выраженіе настроенности извѣстной части современныхъ профессіональныхъ бойцовъ раскола въ духѣ журнала „Церковь": та же малопонятная непріязненность и бранчливость вмѣсто доказательности, тѣ же передержки въ выводахъ изъ необоснованныхъ посылокъ, такія же подтасовки, урѣзки и искаженія свидѣтельствъ и главное то же подлаживанье подъ духъ и направленіе отрицательной печати освободительныхъ годовъ, которая все бранитъ, уничижая оплевываетъ и ничего не укрѣпляетъ. Какъ журналъ „Церковь" старообрядческій архіепископъ Іоаннъ Картушинъ назвалъ „церковью лукавнующихъ", такъ и „Блуждающее богословіе" Мельникова едва ли истые старообрядцы рѣшатся использовать въ цѣляхъ серьезной полемики, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда захочется „пустить пыль въ глаза" неопытному собесѣднику Мельниковскою начитанностью, или же то будутъ люди малосвѣдущіе. Православнымъ же полемистамъ она пригодится развѣ въ томъ случаѣ, если старообрядцы признаютъ Мельникова своимъ—не „лукавнующимъ" и въ то же время будутъ защищать свои „древніе догматы", тогда, конечно, можно будетъ обратить ихъ вниманіе на то, что всѣ эти древніе ихъ устои уже порушены ихъ же столпомъ богословія—г-мъ Мельниковымъ въ его „Блуждающемъ богословіи".

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію названнаго сочиненія, мы должны признать, прежде всего, самую общую постановку доказательствъ у Мельникова неправильною. Онъ задался цѣлью доказать *„еретичество"* нашей *Церкви* „въ *основныхъ ея догматахъ*", а между тѣмъ выводитъ это не изъ разсмотрѣнія общепринятыхъ символовъ и опредѣленій церковныхъ по даннымъ предметамъ, а изъ отрывочныхъ, искусственно подобранныхъ, фразъ отдѣльныхъ писателей, часто даже не богослововъ,

а простыхъ публицистовъ, вродѣ М. О. Меньшикова, В. В. Розанова, Свѣнцицкаго и др. и лишь въ исключительныхъ случаяхъ изъ символическихъ книгъ. На протяженіи всей книги онъ уличаетъ въ противорѣчіяхъ и неточныхъ, иногда ошибочныхъ, выраженіяхъ лишь частныхъ писателей, иногда только по недоразумѣнію причисляющихъ себя къ православію, и однако каждый разъ эти противорѣчія и неточности усвояетъ самой церкви, см. стран. 17, 23, 26, 43, 46, 48, 101, 133, 241 и др. Но развѣ такая постановка добросовѣстна? Допустимъ на время, что всѣ противорѣчія, ошибки и еретическія мысли, выисканныя старательно и тенденціозно г. Мельниковымъ въ сочиненіяхъ прав. богослововъ и небогослововъ, дѣйствительно, имѣли мѣсто; какое же право отсюда заключать о причастности къ этимъ ошибкамъ и противорѣчіямъ сознанію самой Церкви Православной? Конечно, никакого. Вѣдь не дѣлается же подобныхъ заключеній о церкви древней, когда у нея встрѣчались среди вѣрующихъ противорѣчивые ошибочные взгляды и даже еретическія мысли; когда тамъ были и Оригены и Діонисіи и Ѳеодориты и множество явныхъ еретиковъ. Конечно, не усвоитъ и самъ Мельниковъ ошибокъ и погрѣшностей отдѣльныхъ расколоучителей и книгъ старопечатныхъ такъ называемой „церкви старообрядствующей“. Чтобы сказалъ г. Мельниковъ, если бы на основаніи сочиненій прот. Аввакума и д. Ѳедора или Арс. Швецова и Павла Бѣлокриницкаго сталъ кто либо уличать „старообрядствующую церковь“ въ содержаніи еретическаго ученія о св. Троицѣ, или на основаніи книги Б. Катехизисъ—въ ересяхъ латинскихъ? А вѣдь у писателей раскольническихъ—полемистовъ съ самыхъ первыхъ временъ и до послѣднихъ столько неосторожныхъ выраженій, противорѣчій, ошибочныхъ и даже прямо еретическихъ мыслей, что о блуждающемъ богословіи старообрядствующей церкви на основаніи ихъ можно было бы написать гораздо больше и основательнѣе, чѣмъ это удалось написать Мельникову о богословіи православномъ. А если такъ думать и писать значитъ писать сознательную и тенденціозную неправду, то и вся книга Мельникова, при такой ея постановкѣ, должна быть признана въ самой своей основѣ завѣдомо тенденціозною и чуждою объективности, а слѣдовательно, мало основательною.

Будучи ложно-тенденціозною въ своей основѣ и общей постановкѣ вопроса, книга Мельникова грѣшитъ въ отношеніи истины почти и во всѣхъ частныхъ вопросахъ, поскольку касается дѣло даже и не самой Церкви, а лишь ея богослововъ,

что мы сейчасъ увидимъ при разборѣ въ отдѣльности каждой ея главы.

Переходя къ разбору частныхъ положеній и аргументаціи г. Мельникова, должно поставить въ извѣстность читателей, что книга его содержитъ въ себѣ, кромѣ „вмѣсто предисловія“ и „послѣдняго слова“, пятнадцать главъ.

Въ первой главѣ на основаніи отзывовъ освободительной печати 1905—6 годовъ о неудовлетворительности постановки у насъ школьнаго богословія и нѣкоторыхъ сторонъ церковной жизни авторъ увѣряетъ читателей, что „все богословіе господствующей Церкви, его система, направленіе и духъ проникнуты началами латинства, протестантизма и даже атеизма“ (sic).

Во второй главѣ доказывается „*еретичность символическихъ книгъ*“ пр. Церкви: а) „Православнаго испов. вѣры“ и б) „Посланія восточныхъ патріарховъ“.

Въ третьей отмѣчается „*разновѣріе*“ *греческой* и *русской церквей*: „исповѣдуемое ученіе тамъ и здѣсь будто бы *не одно и тоже*“ (стр. 19). Въ чемъ же разница? Да въ томъ, что греки перекрещиваютъ латинянъ, а русскіе нѣтъ, у грековъ патріаршее управленіе, а у русскихъ синодальное, греки болгарскій филетеизмъ осудили, а русскій Синодъ нѣтъ.

Четвертая глава, неграмотно озаглавленная—„*безъ понятія православія*“—тщится доказать, что въ богословіе Прав. Церкви „вошли всѣ еретическія вѣрованія и взгляды какъ древнихъ, такъ и современныхъ лжеучителей“, и что самое понятіе „*православіе*“ есть для представителей господствующей церкви „нѣчто искомое“, ибо предсоборное присутствіе имѣло разногласіе въ въ своихъ засѣданіяхъ по многимъ предметамъ, и самъ Побѣдоносцевъ и Государь Императоръ выражали желаніе на предполагаемомъ соборѣ обсудить „предметы вѣры“...

Въ пятой главѣ авторъ пытается установить, что Православная Церковь погрѣшаетъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ.

Въ шестой, — что она погрѣшаетъ въ ученіи о Пресвятой Богородицѣ.

Въ седьмой—въ ученіи „о человѣческомъ зачатіи“.

Въ восьмой—въ ученіи „о церкви“.

Въ девятой—„о крещеніи“.

Въ десятой—„о мvропомазаніи“.

Въ одиннадцатой—„о причащеніи“.

Въ двѣнадцатой—„о священствѣ“.

Въ тринадцатой—„о покаяніи“.

Въ четырнадцатой—„о бракѣ“, и

Въ пятнадцатой—„объ елеосвященіи“.

Однимъ словомъ, еретичествуетъ Пр. Церковь по увѣренію Мельникова въ ученіи о всѣхъ догматахъ и о всѣхъ таинствахъ“.

Посмотримъ поближе, чѣмъ же доказывается причастность Церкви ко всѣмъ помянутымъ заблужденіямъ и на сколько объективно и доказательно г. Мельниковъ пишетъ. Будемъ идти по порядку главъ „Блуждающаго богословія“.

I.

Чѣмъ г. Мельниковъ доказываетъ мысль *первой главы*, что „*все богословіе господствующей Церкви* *), его система, направленіе и духъ проникнуты началами латинства, протестантизма и даже *атеизма* „?“ Сами богословы и писатели новообрядческой Церкви, говоритъ Мельниковъ, даютъ именно такую оцѣнку своему богословію“: а) Церк. Вѣстникъ пишетъ: „Нашу богословскую мысль давно обвиняютъ въ томъ, что она, какъ маятникъ, качается между католичествомъ и протестантствомъ въ тщетныхъ поискахъ золотой середины. И въ ней, дѣйствительно, замѣтно это качаніе, но послѣдніе 50 лѣтъ католическія тенденціи стали замѣтно преобладать,—а старинная католическая закваска духовной школы только еще болѣе способствовала этому“... „даже изъ носящихъ іерархическій санъ есть по закваскѣ и складу воззрѣній весьма близкіе къ самымъ правовѣрнымъ слугамъ папы“, б) Архіепископъ Харьковскій Амвросій въ своемъ словѣ „о причинахъ отчужденія отъ церкви образованнаго общества“ выразился: „послѣ Петра мы не умѣли охранить себя отъ протестантства, которое въ міръ христіанскій растворило двери необузданной свободѣ разума, а съ нею вмѣстѣ и языческимъ воззрѣніямъ и нравамъ“... в) Еп. Евдокимъ въ книгѣ „На зарѣ церковной жизни“ пишетъ: „все наше богословіе столѣтіями было въ плѣну у латинства“, г) даже Скворцовъ въ Миссіонерскомъ Обозрѣніи говоритъ: „богословіе наше проникнуто западными началами“... д) подобныя же выраженія, отдѣльныя фразы общаго характера выдергиваетъ далѣе Мельниковъ изъ сочин. Хомякова (т. 11, стр. XXII), Лопухина (его перев. апологіи Лютарда), „Дневника“ прот. Свѣтлова (Мисс. Обозр. 1910 г.),—гдѣ

---

*) Слово Церковь въ приложеніи къ Господствующей Церкви и слово Синодъ Мельниковъ вездѣ уничижительно пишетъ съ маленькой буквы, а старообрядческую церковь съ прописной, съ прибавленіемъ титула „святая“, также и слово „сатана“ съ большой буквы (стр 43).

послѣдній характеризуетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ профессоровъ. какъ подражателей западнымъ ученымъ и какъ плагіаторовъ,— статьи проф. Никольскаго (Христ. чтен. 1906 г. „къ вопросу о церк. реформѣ“, и наконецъ, изъ сочиненія Свенцицкаго (Левъ Толстой и Вл. Соловьевъ),—у котораго онъ, къ своему удовольствію, нашелъ доказательство даже въ пользу царствующаго въ нашей Церкви атеизма въ слѣдующихъ фразахъ: „врядъ ли кто нибудь будетъ спорить, что духовная школа создаетъ самый отталкивающій видъ атеизма“... „профессіональныя школы, гдѣ въ преподаватели въ громадномъ большинствѣ случаевъ идутъ не по признанію, гдѣ часто совершенно невѣрующіе люди учатъ быть вѣрующими, потому что это входитъ въ программу,—эти духовныя школы, дѣйствительно, способны отравить душу“.

Въ перечисленныхъ выдержкахъ весь арсеналъ Мельникова для обоснованія его обвиненія по адресу богословія Церкви въ латаиствѣ, протестантствѣ и атеизмѣ. Доказываетъ ли, однако, вся эта искусственная подтасовка отрывочныхъ фразъ то, что хочется автору? Конечно, нѣтъ. Можно ли отдѣльными фразами, не вникая въ духъ сочиненія, навязывать автору то, чего онъ, можетъ быть, и не хотѣлъ доказывать, такъ вѣдь и Священное Писаніе можно цитировать для любой тенденціи. Кто читалъ перечисленныя сочиненія, а не фразы только изъ названныхъ Мельниковымъ авторовъ, тотъ, конечно, хорошо знаетъ, что эти авторы въ большинствѣ названныхъ своихъ сочиненій лишь скорбятъ о дефектахъ въ нѣкоторыхъ сторонахъ церковной жизни и въ постановкѣ школьнаго богословія и при томъ у частныхъ его представителей; о томъ, что защищая православіе, напримѣръ, отъ латинства и протестантства, школьно-богословская мысль, пользуясь аргументами одного противъ другого, до нѣкоторой степени иногда становилась на сторону то того, то другого, что слѣдовало бы не увлекаться подражаніемъ западному богословію... Но подвергая критической оцѣнкѣ направленіе и дефекты частныхъ представителей школьнаго богословія, и современной церковной жизни, перечисленные и имъ подобные авторы выражаютъ при этомъ пожеланіе, чтобы представители Церкви занялись обновленіемъ и утвержденіемъ богословской мысли. Мы видимъ ихъ заботливость о Церкви, желаніе усовершить богословствующую мысль и нѣкоторыя стороны церковной жизни, а вовсе не поиздѣваться надъ Церковью и осудить ее, или отпасть отъ нея подобно Мельникову и его компаніи. Такое критическое отношеніе къ себѣ и своей богословской мысли есть залогъ совершенства, свидѣтельство о духѣ живѣ въ Церкви, а самоувѣренность, про-

являемая расколомъ и писателями, подобными Мельникову, угрожаетъ лишь вымираніемъ уже давно окоченѣвшему обрядовѣрію. Они, конечно, отнюдь не считаютъ за указанные ими недочеты не только саму Церковь еретичествующею, но даже и критикуемыхъ ими богослововъ. Мельниковъ же изъ перечисленныхъ имъ фразъ выводитъ: что а) „богословіе *господствующей Церкви* объ-еретичилось латинствомъ (стр. 2) и уже болѣе 200 лѣтъ лишено чистоты православія“, б) что „предки теперешнихъ „богослововъ“ и „православныхъ“ утеряли чистоту вѣры ранѣе петровскаго періода, и еще во времена никоновскихъ реформъ перестали быть православными“ (стр. 3): в) что „*вся* богословскія книги господствующей церкви наполнены латинскими и протестантскими заблужденіями“ (стр. 7), г) что „въ академіяхъ нѣтъ ни догматическаго, ни нравственнаго единенія съ древнею православной церковью“ (ibid.), д) что „*вся* академическіе лекторы въ чемъ-либо еретичествуютъ“ (7 стр.) и что, наконецъ, е) „безспорно и единогласно будто бы установлено, что богословіе господствующей Церкви и по духу своему и по общему направленію и по отдѣльнымъ пунктамъ неправославно и даже атеистично“ (9 стр.). Однако не только названные Мельниковымъ пастыри и духовные писатели, но даже Свѣнцицкій не рѣшился сдѣлать подобныхъ выводовъ изъ своихъ фразъ и никто изъ нихъ не указалъ ни одной ереси въ богословіи собственно церковномъ, какъ раздѣляемомъ всею Православною Церковью. Наоборотъ, латинство, протестантизмъ, а тѣмъ паче атеизмъ общій церковный голосъ православія строго осуждаетъ. Не сдѣлалъ этого въ данномъ случаѣ и Мельниковъ, а всего правильнѣе было бы ему указать латинскія и другія мысли именно въ богословіи православной Церкви и ея символическихъ книгахъ, а не довольствоваться фразами общаго характера изъ писателей-публицистовъ освободительнаго момента, когда все огульно и безъосновательно у насъ бранили и заподозрѣвали.

Вообще, дѣлать подобныя Мельниковскимъ обобщенія на основаніи отдѣльныхъ выраженій значитъ открыто заявить, что надлежащая доказательность автора отсутствуетъ и тѣмъ самымъ подрывать съ самаго же начала довѣріе ко всему сочиненію.

II.

Впрочемъ *вторая глава* — „Еретичность символическихъ книгъ“—есть какъ бы частная иллюстрація къ общему положенію Мельникова, намѣченному въ I главѣ, и, слѣдовательно, служитъ какъ бы фактическимъ обоснованіемъ общихъ обвиненій I главы.

Здѣсь тенденціозный авторъ пытается установить, что даже „первоначальная основа богословія господствующей церкви еретична“ (стр. 15), именно „ея символическія книги“.—Какія же эти книги? Къ нашему удивленію, Мельниковъ нашелъ изъ таковыхъ книгъ всего двѣ: „Православное исповѣданіе вѣры“ и „Посланіе патріарховъ прав.-католич. церкви о православной вѣрѣ“. Однако и здѣсь еретичность первой книги характеризуется не указаніемъ ересей въ ея текстѣ, какихъ тамъ, конечно, и нѣтъ, а отзывомъ о ней изъ сочиненія нѣкоего іеромонаха Тарасія, который въ своей брошюрѣ—„Великороссійское и малороссійское богословіе XVI и XVII вв.“ между прочимъ писалъ: „ученіе Пр. исповѣданія о трехъ служеніяхъ Христа—первосвященническомъ, пророческомъ и царскомъ безусловно чуждо мышленію св. отцевъ“, далѣе:—„идея объ удовлетвореніи Бога жертвой кровавой была столь присуща сознанію автора „Православнаго Исповѣданія“, что привела его къ весьма характерной оговоркѣ, что Христосъ пострадалъ одною плотію, правда, плоть здѣсь противополагается Божеству, но вѣдь Самъ Христосъ говорилъ о страданіяхъ своей души, что не могло быть неизвѣстнымъ митрополиту Петру Могилѣ; но вѣрный тенденціи удовлетворенія, онъ всю силу страданій Христа полагалъ въ кровавой смерти“, Еще:—„оно (т.-е. Пр. исповѣданіе) въ достаточной степени возвышаетъ іерархію (очевидно, по-католически), ибо совершителями важнѣйшихъ священнодѣйствій являются представители священноначалія“, (а то не міряне ли?); и наконецъ: „относительно ученія о семи таинствахъ должно сказать, что мы уже сказали о трехъ служеніяхъ Господа, т.-е., что практика вселенской церкви никогда не слѣдовала узкимъ тенденціямъ школьнаго богословія и за прочими священнодѣйствіями и молитвами признаетъ великую силу“. Вотъ тѣ ереси Пр. Исповѣданія, которыя указалъ Тарасій, онѣ здѣсь, конечно, всѣ на лицо, ибо, навѣрное, Мельниковъ выловилъ все, что ему было полезно изъ Тарасіевой мудрости. Но первая ересь о трехъ служеніяхъ Христа, если только позволительно ее такъ назвать, содержится и въ уважаемомъ старообрядцами Маломъ Катехизисѣ (зри листъ 10 на оборотѣ), значитъ въ ихъ символической книгѣ, въ отвѣтѣ на вопросъ—„Научи мя о тѣхъ трехъ чинѣхъ Христовыхъ“, т.-е. первосвященническомъ, пророческомъ и царскомъ, 4-я о таинствахъ также содержится въ томъ же Катехизисѣ въ отвѣтахъ на вопросы, относящіеся къ 9 артикулу вѣры, причемъ подобное же ученіе о чинахъ Христа и таинствахъ есть и въ Большомъ Катехизисѣ (см. листъ 209, 298, 300 обор. и 301, 353 и др.), такъ что если за это ученіе еретично „Прав.

Исповѣданіе", то еретичны Большой и Малый Катехизисы—символическія книги старообрядцевъ,—да и вообще надо замѣтить: если бы и еще въ чемъ еретично было „Прав. Исповѣданіе вѣры", то и Малый Катехизисъ столь же еретиченъ, ибо онъ есть лишь сокращеніе „Прав. Исповѣданія вѣры", неизмѣнный по существу снимокъ съ него. Строго же говоря, въ ученіи о Христѣ, какъ Первосвященникѣ, Царѣ и Пророкѣ, и въ ученіи о предпочтительной важности седми таинствъ предъ другими священнодѣйствіями ничего нѣтъ еретическаго; наоборотъ, это ученіе согласно Слову Божію, ученію св. отцевъ и свидѣтельству самого Христа, именовавшаго себя и Пастыремъ, и Пророкомъ, и Царемъ, и установившаго именно седмь таинъ, но не установившаго другихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ. Подробнѣе объ этомъ смотри въ Догматич. богословіи Макарія, Сильвестра и др. Что касается остальныхъ двухъ ересей, указанныхъ Тарасіемъ въ „Прав. Исповѣданіи вѣры",—о страданіи Спасителя одною плотію и о возвышеніи іерархіи предъ мірянами подобномъ католическому, то о. Тарасій самъ же оговаривается, что митрополитъ Петръ Могила „плоть здѣсь лишь противополагаетъ Божеству", т.-е., добавимъ отъ себя, человѣчество—Божеству, ибо какъ можетъ страдать плоть безъ души, что и видно изъ всего отвѣта „Прав. Исповѣданія" на 45 вопросъ, если его дочитать до конца, а не выхватывать оттуда лишь отдѣльныя слова, а о 2-й ереси Тарасій, видимо, глаголетъ уже изъ своей головы, ибо въ „Прав. Исповѣданіи" никакихъ нѣтъ основаній для такого вывода объ іерархіи.

Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній совершенно излишне уже останавливаться на притянутомъ Мельниковымъ къ дѣлу отзывѣ о „Прав. Исповѣданіи" нѣкоего Никольскаго, который, по словамъ Мельникова, якобы *доказываетъ*, что „Православное Исповѣданіе" заключаетъ въ себѣ „закваску католическаго богословія", ибо изъ сего Никольскаго кромѣ приведенной фразы, для обоснованія своей мысли Мельниковъ ничего не извлекъ, а если бы это только возможно было, конечно, онъ не приминулъ бы сдѣлать. Повторимъ, что „Прав. Исповѣданіе" чуждо ересей, а если планъ и изложеніе его имѣютъ на себѣ вліяніе западной школы, то въ той же степени съ этой школой связаны Б. и М Катехизисы,—по логикѣ Мельникова, значитъ, еретичны и они.

Что касается еретичности „Посланія восточныхъ патріарховъ", то самъ же Мельниковъ на основаніи Робертсона пишетъ, что „въ русскомъ переводѣ этого посланія *тщательно сглажены всѣ пункты, отзывающіеся латинствомъ*", а вѣдь рядовые члены церкви Прав. могутъ пользоваться имъ, конечно, только на сво-

емъ родномъ языкѣ, а не въ греческомъ подлинникѣ: во всеобщемъ употребленіи послѣдній быть не можетъ, даже самъ начитаннѣйшій Мельниковъ, видимо, по гречески этого документа не смогъ прочитать, ибо ни одной ереси оттуда не выписалъ, а только сослался на общую фразу Лопухина, что-де посланіе это *въ греческомъ подлинникѣ* не вездѣ удержалось на строгой почвѣ православнаго вѣроученія и впало въ тонъ латинства—но такой глухой ссылки для серьезнаго обвиненія, конечно, весьма недостаточно. Главное же заключается въ томъ, что если бы и встрѣтились въ греческомъ подлинникѣ нѣкоторые пункты, дающіе право на приведенную фразу г. Лопухину, это вовсе не относилось бы къ винѣ богословія русской Церкви, ибо она для своихъ чадъ взяла это посланіе „тщательно сгладивъ всѣ пункты, отзывающіеся латинствомъ“ (17 стр. Мельн.).

III.

Къ первымъ двумъ главамъ, сейчасъ разсмотрѣннымъ, по содержанію тѣсно примыкаетъ 4-я глава сочиненія Мельникова—„Безъ понятія православія“,—точнѣе говоря: она есть повтореніе того же, что сказано въ 1-й главѣ, только съ усиленіемъ мысли, а потому коснемся сначала ея, а потомъ перейдемъ, и къ III-й. Подъ неграмотнымъ заглавіемъ „Безъ понятія православія“—(слѣдовало бы сказать о православіи)—въ IV-й главѣ своего сочиненія Мельниковъ старается доказать, что „Церковь Господствующая не знаетъ, что у ней (я) собственно есть православіе и что чуждо ему“ (стр. 26), что „если бы собрать въ одно цѣлое все, что пишутъ и какъ учатъ служители и представители господствующей церкви, то въ это собраніе вошли бы всѣ еретическія вѣрованія и взгляды какъ древнихъ такъ и современныхъ лжеучителей... Попали бы сюда и разнаго рода проявленія язычества и атеизма“... (стр. 28). Такое огульное обвиненіе, покоится у Мельникова опять таки, какъ и въ 1-й главѣ, единственно на подборѣ отдѣльныхъ фразъ изъ публицистовъ и на этотъ разъ изъ рѣчей членовъ предсоборнаго присутствія и, конечно, по обычаю выводится изъ нихъ гораздо больше того, чѣмъ даже въ фразахъ есть, а не только въ сочиненіяхъ или рѣчахъ. „Въ предсоборномъ присутствіи обсуждавшіеся вопросы имѣли за себя большинство и меньшинство, говоритъ Чельцовъ, слѣдовательно, выводитъ отсюда Мельниковъ, „у православныхъ нѣтъ понятія о православіи“ причемъ эту фразу выдергиваетъ уже

изъ рѣчи Попова, которая имѣла мѣсто совсѣмъ по другому предмету и сказана съ своеобразнымъ значеніемъ. Побѣдоносцевъ писалъ и Государь въ своей резолюціи упомянулъ, что предстоящій—помѣстный соборъ въ свои задачи имѣетъ включить между прочимъ обсужденіе и „предметовъ вѣры", слѣдовательно, „вѣра православная полна ересей и заблужденій", выводитъ Мельниковъ. О догматикѣ Макарія и катехизисѣ Филарета встрѣчаются у нѣкоторыхъ писателей, напр. у арх. Антонія, критическія замѣчанія съ точки зрѣнія зависимости этихъ книгъ отъ западной школы, слѣдовательно, эти книги такъ же какъ и „Православное Исповѣданіе" — еретическія, подхватываетъ Мельниковъ. Но развѣ добросовѣстный мыслитель вправѣ построять такимъ неосновательнымъ способомъ выводы. Ни Чельцовъ, ни Поповъ, ни Побѣдоносцевъ, ни арх. Антоній, ни даже Булгаковъ, на основаніи отдѣльныхъ фразъ котораго построено Мельниковымъ все бранчливое его обвиненіе по адресу Церкви въ IV главѣ, конечно, никогда не думали о своей Церкви и православіи ея такъ, какъ позволилъ себѣ усвоить имъ это Мельниковъ. Непріятно читать, а не только опровергать подобное писательство: это все равно, что урезонивать бранящуюся на базарѣ торговку.

IV.

„Русская Церковь, будучи неправославною, еще вдобавокъ *разновѣрна* съ греческой Церковью, она ближе чѣмъ послѣдняя стоитъ къ папскому Риму, самое „исповѣдуемое ученіе тамъ и здѣсь не вполнѣ тождественно" (стр. 19), пишетъ въ 3-й главѣ Мельниковъ. По заголовку 3-й гл. „Разновѣріе русской и греческой церквей"—подумаешь, что и въ догматахъ вѣры разошлись эти церкви и съ недоумѣніемъ вопрошаешь, какъ же это до Мельникова никто такого разновѣрія не отмѣтилъ. Не только предки его (единовѣрцы, Павелъ Бѣлокриницкій, Ксеносъ и проч.) указывали на единеніе этихъ церквей, но даже и современные намъ неправославные старообрядцы не иначе именуютъ нашу церковь, какъ „Греко-россійскою", оттѣняя тѣмъ ея единство съ Греческой; а вотъ Мельниковъ и здѣсь дѣлаетъ открытіе. Въ чемъ же однако это разновѣріе. Да, во 1-хъ, въ томъ, видите ли, что мы русскіе принимаемъ латинянъ, переходящихъ въ православіе, по 2-му или 3-му чину, а греки черезъ перекрещиваніе; въ 2-хъ, у грековъ патріархъ, у насъ Синодъ; въ 3-хъ, есть особенности въ богослужебныхъ текстахъ и обрядахъ, и наконецъ, въ 4-хъ, „константинопольскій патріархъ произнесъ на экзарха болгарскаго за его филетеизмъ отлученіе, а нашъ Синодъ въ своемъ посланіи

въ Константинополь по этому поводу хотя уклончиво и дипломатично, но тѣмъ не менѣе ясно призналъ стремленіе болгаръ къ церковной самостоятельности фактомъ, ничего еретическаго въ себѣ не заключающимъ и даже естественнымъ“ (22 стр.). Но развѣ все это есть разновѣріе, удивится читатель. Конечно, нѣтъ; но Мельникову нужно провести свою тенденцію, и онъ не стѣсняется средствами, подставляя гдѣ нужно даже одно понятіе подъ другое. Въ самомъ дѣлѣ, признаетъ ли онъ самъ фактъ *разновѣрія* у своихъ предковъ только, напримѣръ, потому, что до п. Филарета на Руси латинянъ не перекрещивали, (что видно хотя бы изъ отвѣтовъ въ XII в. Нифонта еп. Новгородскаго черноризцу Кирику и изъ „Чина принятія латинъ въ Прав. церковь“, появившагося въ концѣ XV в.), а послѣ Филарета стали перекрещивать. Вѣдь по его логикѣ надобно бы старообрядцевъ и ихъ предковъ въ силу этого считать тоже разновѣрными“. Пускай греки принимаютъ по своему латинянъ, русскіе по своему, отъ этого раздѣленія этихъ церквей не произойдетъ, тѣмъ болѣе что рѣшенія константинопольскаго собора 1756 г., вопреки древней практикѣ, постановившаго принимать „непогруженно крещеныхъ“ чрезъ перекрещиваніе, самими же греками не всегда соблюдается; такъ, наприм. Патр. константинопольскій разрѣшилъ принять двухъ мелхитскихъ священниковъ Ивана Хабиба и Гавріила Жибора чрезъ мѵропомазаніе, о чемъ самъ же Мельниковъ, не замѣчая противорѣчія, съ умиленіемъ разсказываетъ, когда это ему понадобилось (на стр. 69 своей книги), не скрывая и словъ митр. Филарета о томъ, что „двоякій образъ дѣйствованія видимъ мы нынѣ въ прав. греческой церкви: по строгому сужденію она отъ приходящихъ изъ латинства требуетъ крещенія, но недавно двухъ мелхитскихъ священниковъ приняла въ свое общеніе посредствомъ мѵропомазанія“. На соборѣ 1667 г., отмѣнившемъ перекрещиваніе латинянъ, сдѣлано это было по иниціативѣ и съ утвержденія присутствовавшихъ на немъ 12 восточныхъ іерарховъ и между ними 2-хъ патріарховъ. Св. Савва Сербскій также принималъ латинянъ чрезъ мѵропомазаніе. (Подробнѣе о поливательномъ крещеніи смотри свидѣтельства въ вып. Озер. II 409).

Далѣе, „у грековъ — патріархъ, управленіе церковно-народное, и епископально-общинная организаціи, а на Руси Синодъ и церковно-государственная форма правленія“; но какое это отношеніе имѣетъ къ разности исповѣдуемаго ученія. У разныхъ помѣстныхъ церквей разныя бывали формы правленія и разныя организаціи церковной жизни, было время, когда патріарховъ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

совсѣмъ нигдѣ не было; что же развѣ все это говорило о разновѣріи помѣстныхъ церквей?

О разнообразіи обрядовъ и текстовъ богослужебныхъ книгъ у разныхъ помѣстныхъ церквей исторія также знаетъ на протяженіи всей жизни Христовой Церкви; но очень рѣдко, почти никогда не поставлялось это разнообразіе въ вину для отдѣленія одной церкви отъ другой, что, къ сожалѣнію, случилось съ глаголемыми старообрядцами въ XVII в. у насъ.

Наконецъ, филетеизмъ болгарскаго екзарха, или его борьбу за церковную автокефалію надо разсматривать по аналогіи съ фактомъ автокефаліи, совершившимся нѣкогда въ исторіи русской церкви при обособленіи ея отъ Греческаго патріархата, или съ подобнымъ же желаніемъ автокефаліи со стороны грузинской церкви: претензіи подобнаго рода со стороны помѣстныхъ церквей едва ли можно учитывать какъ ереси, а *анаѳему со стороны противниковъ автокефаліи въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ разсматривать лишь какъ актъ чисто и узко каноническаго, а не догматическаго характера*, почему и несогласіе поддержать подобнаго рода анаѳематствованіе со стороны нашего Синода не должно понимать какъ разновѣріе русской церкви съ греческой, тѣмъ болѣе, что Синодъ и Константинопольскій Патріархъ все же собою не могутъ замѣнить церкви русской и греческой.

V.

Въ пятой главѣ Мельниковъ увѣряетъ, что „господствующая Церковь не имѣетъ истиннаго ученія о самомъ Сынѣ Божіемъ“. Откуда же это слѣдуетъ, спроситъ удивленный православный, читавшій даже въ „Окружномъ посланіи“ Ксеноса, что Грекороссійская Церковь единовѣрна съ старообрядствующей церковью въ ученіи о Христѣ-Спасителѣ“. А вотъ откуда, отвѣчаетъ Мельниковъ: во-1-хъ, нововременскій Меньшиковъ въ ругательныхъ и, къ слову сказать, давно уже опровергнутыхъ статьяхъ хлестко бранитъ академическихъ профессоровъ, яко бы въ божественность Христа и въ чудо Его воскресенія не вѣрующихъ (29 стр.). Во-2-хъ, журналъ Странникъ отозвался о сочиненіи Лейтона „Іисусъ Христосъ и современная цивилизація“, какъ о „блестяще и, можно сказать, возвышенно написанномъ“, а между тѣмъ въ этомъ сочиненіи можно усмотрѣть, что для Лейтона Іисусъ Христосъ есть только „колоссальный религіозный геній“, (а не Богъ) (стр. 30). Въ 3-хъ, въ учебникѣ по Закону Божію Бухарева на вопросъ „почему Сынъ Божій названъ Христомъ“ дается такой отвѣтъ: „Христами или помазанниками называли царей, первосвященни-

ковъ и пророковъ, потому что помазывали ихъ св. елеемъ, чтобы низвести на нихъ Духа Святаго. Іисусъ Христосъ, хотя и не былъ помазанъ, но Духъ Св. сошелъ на Него въ видѣ голубя при крещеніи. Поэтому Онъ называется Христомъ или помазанникомъ" (стр. 32). Въ 4-хъ, епископъ Сильвестръ въ своемъ догматическомъ богословіи одобряетъ ученіе Тертулліана и Ипполита о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія, при первомъ звукѣ (стр. 33—38). Въ 5-хъ, „Пращица" Питирима учитъ мыслить Сына Божія во двою естеству, какъ Единаго отъ Троицы, а не въ самой Троицѣ, а Скрижаль, согласно житію Ефросина, говоритъ: „идѣже познавается или исповѣдуется таинство Св. Троицы въ образованіи или въ именѣхъ, тамо есть и Сынъ Божій во двою естеству". Въ 6-хъ, въ служебной Минеѣ Кіевской печати 1787 г. въ богородичнѣ напечатано: „Безъ матерняго на небеси паче мысли и слуха, на земли безъ Отца родила еси, Того Богородице, моли о душахъ нашихъ"; „по этому тексту выходитъ", (?) толкуетъ Мельниковъ, что Сынъ Божій родился безъ матери на небесахъ, значитъ, созданіе небесъ предшествовало (sic.) рожденію Слова отъ Отца". (41 стр.). Въ 7-хъ, „Православное Исповѣданіе" (какъ говоритъ Тарасій іер.) излагаетъ неправославное ученіе о Христѣ, какъ жрецѣ кроваваго культа и о страданіяхъ Его на крестѣ одною только плотію" и, наконецъ, въ 8-хъ, священникъ П. Кремлевскій на собраніи „Христіанскаго содружества молодежи" высказалъ мнѣніе, что жертва искупительная была принесена не Богу Отцу, а сатанѣ, потому что Богъ, какъ любящій Отецъ, не могъ требовать этой кровавой жертвы" (стр. 43).

Удивительная аргументація, — если бы она исходила изъ устъ мало-мальски образованнаго богослова, хотя бы изъ категоріи поносимыхъ Мельниковымъ, съ ней бы нельзя было и считаться, какъ съ не вполнѣ вмѣняемой; но, къ сожалѣнію, для профессіональнаго защитника раскола она весьма типична и волей неволей вынуждаемся сдѣлать хоть краткія замѣчанія и на такое нелѣпое обвиненіе Церкви. Прежде всего, если бы всѣ восемь аргументовъ Мельникова были бы точны, если бы всѣ упоминаемые имъ писатели говорили то, что заставляетъ говорить ихъ Мельниковъ, какое бы отношеніе имѣло это къ ученію Церкви о Сынѣ Божіемъ? О. Кремлевскій, Лейтонъ, Бухаревъ и К° могли допустить неточныя выраженія и даже неправильныя мысли о Сынѣ Божіемъ, какъ допускали это (по сознанію самого же Мельникова въ той же главѣ) авторъ Бѣлокриницкаго устава инокъ Павелъ, Арсеній Швецовъ и др. старообрядцы, но при чемъ же тутъ православная или такъ называемая „старо-

обрядческая церковь", какое право имѣлъ Мельниковъ выводить изъ такихъ посылокъ, что „господствующая Церковь не имѣетъ истиннаго ученія о Сынѣ Божіемъ"? Пусть читаетъ онъ Символы церковные, догматическія опредѣленія св. соборовъ, ученія о Сынѣ Божіемъ св. отцовъ церкви, принятое вселенскимъ сознаніемъ Церкви,—вотъ ученіе господствующей Церкви о ея Основателѣ и Спасителѣ; а какъ учатъ Бухаревы, Кремлевскіе или иновѣрные намъ Лейтоны, это въ вину Церкви ставить недобросовѣстно. Даже и школьное богословствованіе, если оно сознанію Церковному не согласно,—Церкви чуждо и своимъ его Церковь отнюдь не считаетъ, хотя бы сами авторы его и считали себя чадами и даже пастырями этой Церкви.

Но сверхъ того и ни одна почти изъ 8 ссылокъ Мельникова для доказательства обвиненія на Церковь, не свободна отъ подозрѣнія въ неточности или передержкахъ: Еп. Сильвестръ, какъ свидѣтельствуетъ все его догматическое богословіе, держится совершенно православнаго ученія о Сынѣ Божіемъ и отнюдь никакого ученія о подлѣтномъ рожденіи Его (подобно Арсенію Швецову или иноку Павлу Великодворскому) не допускаетъ; отзывъ же его о Тертулліанѣ и Ипполитѣ, приведенный въ изложеніи исторіи догмата такъ остороженъ и тонокъ, что только придирчивый выжиматель того, чего не хотѣлъ сказать Сильвестръ, можетъ найти у него одобреніе мысли о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія; даже и въ тѣхъ строкахъ, которыя выдернулъ Мельниковъ, и то Сильвестръ нѣсколько разъ говоритъ: „что здѣсь, т.-е. у Тертулліана и Ипполита не та мысль, будто Сынъ Божій не существовалъ отъ вѣчности, какъ ипостась" (стр. 35 сравн. стр. 38). При томъ же еп. Сильвестръ, говоря о Тертулліанѣ и Ипполитѣ, излагаетъ исторію догмата и, естественно, оцѣниваетъ лишь сравнительное превосходство позднѣйшихъ формулировокъ догматическихъ съ первичными, когда еще самая терминологія богословская только вырабатывалась, а когда доходитъ до изложенія общецерковнаго ученія о Сынѣ Божіемъ, то формулируетъ его точно по православному. Къ чему же послѣ этого ссылка на неправославіе еп. Сильвестра. Единственно развѣ затѣмъ, чтобы сказать, что вотъ де еретично и то догматическое богословіе, которое „въ господствующей Церкви имѣетъ значеніе больше, чѣмъ изданныя соборомъ (какимъ) опредѣленія" (стр. 37), но таковое значеніе догматикѣ Сильвестра, конечно, присвоено только Мельниковымъ.

Пращица и Скрижаль въ отношеніи ихъ якобы противорѣчиваго ученія о Сынѣ Божіемъ сопоставлены Мельниковымъ

искусственно и ложно: на самомъ дѣлѣ эти книги въ указанныхъ мѣстахъ говорятъ совершенно о разныхъ предметахъ и другъ другу нисколько не противорѣчатъ: первая обличаетъ еретичность житія Ефросина, которое утверждало, между прочимъ, что „сугубымъ аллилуіа уста пріятно благословляютъ имя совершенно единосущнаго въ Троицѣ, безъ порока въ Божествѣ и человѣчествѣ“ и, такимъ образомъ, усвояло воплощеніе лицамъ всей св. Троицы; вторая же говоритъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія и не находитъ нужнымъ, подобно слову Ѳеодорита и старообрядцамъ, помимо трехъ перстовъ, для изображенія св. Троицы еще особо двумя перстами изображать вѣру въ Сына Божія во двою естеству, какъ чего-то отдѣльнаго отъ Троицы не только по человѣчеству, но и по Божеству, такъ что если „соборъ 1667 года и утвердилъ Скрижаль“, отсюда вовсе онъ „явнымъ еретикомъ не обретеся“, какъ хотѣлось бы того Мельникову; да и кромѣ всего сказаннаго, Мельниковъ не съумѣлъ хорошенько и понять и ложно истолковалъ слова Пращицы, отнеся выраженіе ея „Единосущнаго въ Троицѣ въ божествѣ и человѣчествѣ“ къ Сыну Божію (стр. 39), на самомъ же дѣлѣ эти слова тамъ относятся къ Богу вообще, единосущному въ Троицѣ и вся тирада, выписанная у Мельникова на стр. 39, далѣе изъ Питирима, именно, стремится показать, что только „единаго отъ Троицы Сына Божія должно исповѣдывать (какъ Ефросинъ и исповѣдывалъ) во двою естеству, а не Бога вообще, единосущнаго въ Троицѣ, ибо это наносило бы пріятіе плоти ни единыя ипостаси, но всей св. Троицѣ“. Мельниковъ же по непониманію или тенденціозно отнесъ эту тираду къ Сыну Божію.

Слова же изъ Скрижали, содержащіяся въ ней въ разныхъ мѣстахъ (на листахъ 8 и 806), Мельниковымъ соединены въ одно совершенно произвольно и при этомъ все-таки не дописано то, что опровергаетъ его ложь, якобы Скрижаль „наноситъ пріятіе плоти всей Троицѣ“, ниже она прямо говоритъ: „не пщуемъ вины причастія быти Отца и Духа вочеловѣченію Сына“ (л. 806).

Бухарева и Кремлевскаго за ихъ неточныя выраженія мы не оправдываемъ, если таковыя у нихъ, дѣйствительно, есть: учебники надо писать особенно осмотрительно, но, конечно, изъза ихъ подобнаго рода неточностей винить въ еретичествѣ не только Церковь, но даже и ихъ самихъ можетъ только Мельниковъ. О Меньшиковѣ же и Лейтонѣ мы позволимъ себѣ даже и Мельникову не возражать, чтобы не унижать себя и его, — ужъ очень эти аргументы несуразны: похвалилъ ли, или выругалъ кого изъ профессоровъ, не называя при томъ же по имени, Мень-

шиковъ, одобрилъ или не одобрилъ журналъ Странникъ какой-либо трактатъ или сочиненіе, въ данномъ случаѣ хотя бы Лейтона (хотя похвалить далеко еще не значитъ во всемъ съ нимъ согласиться), за это Церковь не отвѣчаетъ, какъ не отвѣчаетъ и „старообрядствующая церковь“ за ту брань и насмѣшки, какими осыпаетъ православную Церковь и ея богослововъ г. Мельниковъ.

Что же касается ссылки Мельникова на богородиченъ изъ Кіевской минеи, по которому будто бы выходитъ, что „небеса существовали раньше Сына Божія, то здѣсь Мельниковъ перемудрилъ даже самого себя, исказивъ своимъ переводомъ церковную пѣснь такъ, что простой церковный школьникъ надъ нимъ вдоволь посмѣялся бы, и это тотъ Мельниковъ, который не прочь блеснуть латинскими и греческими фразами. Въ приведенномъ имъ текстѣ богородична ясно и просто говорится, что Богородица на земли, а не на небеси родила безъ Отца Того, Кто паче мысли и слуха безматеренъ на небеси. Откуда же здѣсь мудрованіе о существованіи небесъ ранѣе Сына Божія.

Наконецъ, указаніе на еретичность „Православнаго Исповѣданія“ дѣлается Мельниковымъ повторно, и ссылку его при этомъ на Тарасія, какъ судію этого документа, мы уже ранѣе признали неудачною,—особенно неудобно ссылаться на Тарасія старообрядцамъ потому, что судъ Тарасія на равнѣ съ Прав. Исповѣданіемъ придется имъ отнести и на свои уважаемыя книги вродѣ Малаго Катехизиса, Большого Катехизиса и друг.

VI.

„*О Пресвятой Богородицѣ* Господствующая Церковь содержитъ также совершенно различныя вѣрованія“ продолжаетъ говорить неправду г-нъ Мельниковъ (43 стр.); ибо „современные намъ богословы отвергаютъ непорочное зачатіе Богородицы“, а между тѣмъ „это ученіе принято всею русской никоновской церковью и утверждено соборомъ 1666—67 годовъ,—въ книгѣ „Жезлъ“, сооруженной этимъ соборомъ“ (стр. 45). Но, во 1-хъ, Мельниковъ самъ же далѣе, сознается, что „справедливость требуетъ дополнить, что тотъ же соборъ 67 года, который соорудилъ (Sic!) Жезлъ, утвердилъ и Скрижаль, а въ ней прямо сказано: „убо не роди Дѣва съ растлѣніемъ, но Св. Духу пришедшу на Ню и очистившу словомъ архангела Гавріила: зане скверна прародительна бяше въ Ней“. Отсюда уже ясно, что соборъ 67 г. и за нимъ „Никоновская Церковь“ не признаетъ непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы, не можетъ же она Скрижалью отвергать то, что утверждаетъ въ Жезлѣ. А если такъ, то надо провѣрить: точно ли въ

Жезлѣ принято это ученіе какъ обязательное и точно ли оно утверждено соборомъ 67 г.—г-ну Мельникову, какъ-то опасно довѣряться даже и въ буквальныхъ его выдержкахъ. Читаемъ текстъ Жезла и что же видимъ: писатель Жезла, приведши слова, выписанныя на 45 стр. у Мельникова, не ставитъ точки какъ Мельниковъ, а продолжаетъ: „послѣдствующихъ реченій разумъ понуждаетъ о зачатіи ея самыя разумѣти... обаче занеже нѣкая винословія и свидѣтельства святыхъ отецъ противное видятся, утверждати разумѣніе, сирѣчь, яко зачата въ прародительномъ грѣхѣ, о семъ состязаніе во училища отсылаемъ богословская и на соборное опредѣленіе. А яко абіе по зачатіи своемъ освятися и отъ скверны прародительскія очистися, нѣсть о семъ усумнѣніе“ (Жезлъ л. 35—36)... А такое продолженіе сообщаетъ Жезлу уже совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ навязываетъ ему Мельниковъ, оказывается, что если авторъ Жезла и не прочь самъ по себѣ примкнуть къ нѣкіимъ, признающимъ непорочное зачатіе, однако не рѣшается навязывать это мнѣніе читателямъ, какъ нѣчто непреложное, а отсылаетъ ихъ за рѣшеніемъ этого вопроса къ авторитету собора и богословскихъ училищъ, за несомнѣнное же выдаетъ лишь то, что „абіе по зачатіи своемъ освятися и отъ скверны прародительскія очистися Пр. Дѣва“. Значитъ, и соборъ 67 г., если бы онъ былъ причастенъ и всему содержанію Жезла, вовсе не утверждалъ сомнительнаго мнѣнія Симеона Полоцкаго, а лишь безсомнительное, и ниже (листъ 37 Жезла) говорится по поводу словъ Скрижали: зане скверна прародительска бяше въ ней: „не разумѣется о томъ времени“, егда имяше зачати Христа, но о времени зачатія ея самыя во чревѣ Св. Анны“. Къ сказанному не лишне присоединить, хотя это и будетъ нѣкоторымъ повтореніемъ, что лучше бы Мельникову въ этомъ неправильномъ ученіи о Пресвятой Богородицѣ укорить свою аввакумовскую церковь, въ которой, дѣйствительно, непорочное зачатіе Пр. Дѣвы исповѣдуется, какъ мы уже отмѣтили, и у Арсенія Швецова, и у Павла Бѣлокриницкаго, и у Ксеноса.

VII.

На основаніи того же Жезла Мельниковъ далѣе, въ *VII главѣ*, укоряетъ господствующую Церковь въ оригеновской ереси, о предсуществованіи душъ, которую де также утвердилъ соборъ 67 года и которую до сихъ поръ защищаютъ миссіонеры на бесѣдахъ предъ старообрядцами и въ печати, (какіе миссіонеры и гдѣ Мельниковъ не указываетъ) не смотря на то, что „современное богословіе той же церкви эту ересь осуждаетъ“. Но уже одно то, что

„современное богословіе ее осуждаетъ“ и что Скрижаль, одобренная тѣмъ же соборомъ, по сознанію самого же Мельникова (стр. 50) ее опровергаетъ словами Аѳанасія Великаго, должно бы отнять у Мельникова основаніе для высказаннаго обвиненія. Однако, не тутъ то было: „хотя и знаетъ Мельниковъ, что соборомъ 5-мъ вселенскимъ оригенова ересь осуждена, знаетъ что и Жезлъ считается у насъ книгою неканоническою—однако не желаетъ отказаться отъ обличенія ихъ въ оригеновской ереси: „это дѣлали“, говоритъ онъ, „предки наши и мы продолжаемъ“. Почему же? Да потому что: „какъ же можно утверждать, что Жезлъ—неканоническая книга, если она утверждена великимъ соборомъ и принята всею церковью. Во всякомъ случаѣ она авторитетнѣе теперешнихъ богословскихъ книгъ господствующей Церкви“... „А главное, добавляетъ онъ, важно отмѣтить, самопротиворѣчіе въ ученіи господствующей Церкви: что утверждено въ Жезлѣ, то объявляется оригеновою ересью въ журналѣ „Прав.-русское слово“ (стр. 48—49). Удивительное истинно начетчитское упорство обвинять вопреки очевидности! Но все же Мельникову слѣдовало бы повнимательнѣе вчитаться въ приведенный имъ текстъ изъ Жезла по затронутому вопросу: дѣйствительно ли тамъ содержится ересь оригеновская, хотя бы въ „Православно-русскомъ Словѣ и было сказано, будто „въ Жезлѣ повторяется оригеновская мысль, что душа въ человѣка приходитъ послѣ“. Вотъ что въ Жезлѣ буквально сказано: „естественныхъ таинъ имѣющіе искусство (т. е. естествоиспытатели, ученые) глаголютъ“ (а не Оригенъ и не самъ Симеонъ): „первѣе зачинается отроча изъ сѣмене, еже по малу огустѣваетъ, и дѣйствомъ естества мужескъ полъ чрезъ 40 дній воображается, пріемля по малу образы всѣхъ членовъ и возрастъ достойный воодушевленія. Женскъ же полъ чрезъ 80 дній и растетъ и воображается по малу. Таже егда вообразится зачатое, тогда Богомъ воодушевляется“ (л. 27). Но ужели такое естественно—научное мнѣніе 17-го столѣтія и даже не Симеоново добросовѣстно усвоять, какъ догматическое ученіе собору 67 года, будто бы имъ и въ лицѣ его всею Церковью принятое. Симеонъ Полоцкій здѣсь только старается данными науки его времени пояснить лова Василія В. и Іоанна Дамаскина, „яко составленіе воплощенія Господня бысть не по общему естеству, не сѣменно“, что т. е. періодъ оплодотворенія женскаго сѣмени мужскимъ чуждъ зачатому отъ Духа Св., а вовсе не утверждаетъ того, что душа творится послѣ тѣла, или приходитъ въ него въ наказаніе изъ области предсуществованія какъ уже готовое. Естественно научное мнѣніе не хочетъ только допустить, чтобы душа была еще въ

безформенномъ сѣмени. И это мнѣніе изъ Жезла не чуждо и св. отцамъ, напр. Василій В. пишетъ: „Человѣкъ посѣянъ во утробѣ матерней. Сѣмя брошено въ бразды естества. Брошенное сѣмя измѣнилось въ кровь, кровь одебѣлѣла въ плоть, плоть со временемъ приняла на себя образъ; образовавшееся непонятнымъ для ума способомъ одушевилось". (Вас. В. твор. т. IV стр. 339). Подобное же у Ѳеодорита (Излож. Бож. догматовъ гл. 9, стр. 6) у Кирилла Мниха, Іоанна экзарха Болгарскаго и др. (См. Воловея стр. 125). Но въ томъ ли заключалась Оригенова ересь, осужденная 5-мъ вс. соборомъ? Люди, читавшіе церковную исторію, знаютъ, что Оригенъ въ своемъ сочиненіи „О началахъ" училъ, что души созданы прежде сего видимаго міра и что за свои прегрѣшенія онѣ посылаются въ тѣла". А если такъ, то ясно, до чего основательно укорять Жезлъ Правленія и соборъ 67 г. въ оригеновской ереси и потомъ искать несуществующее противорѣчіе въ ученіи современнаго богословія православной церкви съ богословіемъ 17-го вѣка. Стыдно становится за такую профессіональную слѣпоту человѣка, котораго по развитію все же считаютъ исключеніемъ изъ рядовыхъ начетчиковъ.

VIII.

Однако не стыдится самъ г. Мельниковъ и продолжаетъ и далѣе подобныя обвиненія на богословіе церкви и все смѣлѣе и смѣлѣе. Теперь оказывается уже, что „вѣроучители православные до сихъ поръ не имѣютъ надлежащаго понятія даже объ истинной Христовой Церкви и свойствахъ ея" (стр. 66). Взгляните-ка въ программу вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію бывшаго въ Кіевѣ миссіонерскаго съѣзда", иронизируетъ Мельниковъ, тамъ мы находимъ, между прочимъ, такіе вопросы: „По старообрядческому расколу: 1) понятіе объ истинной Христовой Церкви и времени ея основанія въ ея полнотѣ и жизненности (провѣрить старый вопросъ) и 2) въ какомъ смыслѣ понимать „церковь" въ выраженіи „аще и церковь преслушаетъ". Не странно ли такіе вопросы видѣть въ программѣ всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда. Имъ мѣсто въ учебникахъ низшихъ школъ... „хороши вѣроучители, нечего сказать" и т. д. слѣдуютъ издѣвательства (стр. 66). Конечно, на подобные аргументы, все по своему искажающаго и все знающаго обвинителя можно отвѣчать только подобнымъ же издѣвательствомъ надъ начетчиской самоувѣренностью, но это въ нашу задачу не входитъ. Частнѣе же Мельниковъ иллюстрируетъ свое положеніе такими примѣрами: „Во 1-хъ, говоритъ, академическіе богословы по латински

дѣлятъ церковь на учащую и учимую, причемъ роль послѣдней заключается будто бы въ безусловно рабскомъ подчиненіи Церкви учащей, которая одна только признается хранительницей Божественной истины и непогрѣшимой въ дѣлахъ вѣры", но самъ же себя тотчасъ и опровергаетъ, приводя рядъ протестовъ со стороны архипастырей и пасомыхъ (Свѣтлова, Хомякова, еп. Евдокима, Θеофана и др.), противъ разобщенія правящей церкви отъ подчиненной и противъ порабощенія пасомыхъ господству іерархіи. Какъ же эти протесты были бы возможны въ церкви латинскаго строя, гдѣ оберъ-прокуроръ Синода, подобно папѣ, есть якобы непогрѣшимая деспотическая глава?! Ясное дѣло, что факты нѣкотораго злоупотребленія властью со стороны частныхъ оберъ-прокуроровъ и іерархическихъ лицъ нельзя возводить въ степень выраженія общаго ученія церкви: что же касается раздѣленія членовъ церкви на учащихъ и учимыхъ, на управляющихъ и управляемыхъ, то не то же ли мы читаемъ въ Б. Катехизисѣ: „правленіе церкви своея предалъ есть не единому, но многимъ (л. 123), собраніе вѣрныхъ пребываетъ подъ правленіемъ совершенныхъ святыхъ отъ него поставленныхъ" (121), особно наставницы церковніи и строители нарицаются церковь, яко же рече Господь, „аще же преслушаетъ церковь, буди ти яко язычникъ и мытарь", проповѣдати и учити всѣмъ апостоламъ завѣщано, и не токмо апостоламъ, но и инымъ проповѣдникамъ евангелія, видили" отъ Бога многи пастыри церкви даны" (130) церкви св. единомыслiе состоится въ чести и почитаніи святителей и пресвитеровъ (л. 121) и въ Маломъ Катехизисѣ также сказано, что „собраніе вѣрныхъ находится въ повиновеніи подобающемъ" (л. 24).

Во 2-хъ, говоритъ Мельниковъ, богословы православной церкви (Чинновъ, Потѣхинъ, Гладкій), вслѣдъ за осуждаемымъ ими когда-то Швецовымъ, учатъ, что Церковь Божію составляютъ „вкупѣ правовѣрніи и кривовѣрніи", „еретики и православные" и въ царство небесное по ихъ ученіи войдутъ и раскольники и язычники". Пусть такъ, но что же отсюда слѣдуетъ, единственно то, что если можно укорять богослововъ Правосл. Церкви, то должно это дѣлать и въ отношеніи богослововъ аввакумовской церкви. Однако должно и здѣсь оговориться, что сущность мысли Потѣхина о такомъ составѣ церкви не приняло и само Миссіонерское Обозрѣніе, какъ сознается самъ Мельниковъ (стр. 67). Слова же Чиннова даже и въ выдержкѣ Мельникова (стр. 54) абсолютно ничего Швецовскаго не содержатъ, при томъ же оно выражаетъ далеко не Швецовское ученіе: „только

тотъ говоритъ онъ, кто смотритъ на предметъ вѣры не очами разума, раціоналистически, какъ сектантъ, а внутреннимъ проникновеніемъ въ существо догмата мистически, очами вѣры, только тотъ можетъ признать, что единая Хр. Церковь, дѣйствительно, существуетъ" и т. д. (стр. 56). Чинновъ пишетъ, что благодать можетъ дѣйствовать среди „еретиковъ только постольку, поскольку они еще не чужды, не порвали окончательно своей связи съ Церковью, единственною хранительницею благодати"... Гладкій же о возможности спасенія для язычниковъ сказалъ немного болѣе чѣмъ ап—лъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (2 гл. 15—16 стр.), да и то напечатавшій ихъ журналъ „Вѣра и Разумъ" сдѣлалъ примѣчаніе, что „мысли Гладкаго недостаточно доказаны" (60 стр. „Блуждающее богословіе").

Дальнѣйшіе пункты 3, 4, 5, 6 и 7 Мельниковскихъ обвиненій этой*) главы уже безъ всякихъ поименныхъ указаній—огульно укоряютъ богослововъ православной Церкви въ томъ, что они не имѣютъ будто бы опредѣленнаго понятія о томъ, въ чемъ заключается святость Церкви, апостольство и соборность, откуда беретъ начало Церковь и возможенъ ли вселенскій соборъ. Но такое огульное обвиненіе едва ли умѣстно опровергать: нельзя же въ самомъ дѣлѣ поручиться за всѣхъ писателей, которыхъ Мельниковъ обычно, какъ мы до сего видѣли, не особенно разборчиво причисляетъ къ лику вѣроучителей церковныхъ, выбирая ихъ нужныя ему строки даже изъ газетъ и журналовъ. Конечно, всегда желательны осторожность и точность въ выясненіи свойствъ и понятій о Церкви, и вообще догматическихъ истинъ и если у кого ихъ недостаетъ, защищать ихъ не слѣдуетъ. Но съ другой стороны такія понятія, какъ святость, соборность и апостольство Церкви въ свой объемъ включаютъ ни по одному признаку, а по нѣсколько; напримѣръ, святость церкви состоитъ и въ томъ, что она освящается Духомъ Св. чрезъ таинства и въ томъ, что она есть общество избранныхъ [ἅγιος—святой избранный], и въ томъ, что въ ней есть общеніе святыхъ (Б. К. 119 л.); соборность заключается и въ томъ, что ученіе церкви утверждено на соборахъ и что въ церковь входитъ собраніе вѣрующихъ со всей земли всѣхъ націй, мѣстъ и проч., наличность подобныхъ понятій, соподчиненныхъ болѣе общему главному, вовсе не говоритъ о разногласіяхъ въ опредѣленіи даннаго термина, если бы кто изъ богослововъ обратилъ вниманіе на одну составную часть

*) Т.-е. VII главы.

общаго, а другой на другую. А Мельниковъ, именно, въ этомъ и видитъ разногласіе богослововъ, Напомнимъ всевѣдущему старообрядческому богослову, что и въ книгахъ богослововъ его лагеря не единый и точно формулированный отвѣтъ дается на подобные вопросы; сравн. хотя бы Большой и Малый Катехизисы въ главѣ „о Церкви Божіи“ (л. 118—121 и л. 23—25); или Швецова „Оправданіе старообрядствующей церкви“ въ отвѣтъ на вопросъ: „что значитъ, еже мы исповѣдуемся вѣровать во едину, святую, соборную и апостольскую церковь“ (стр. 84—100, изд. 1887 г. Яссы). Наконецъ, когда получила свое начало Церковь, на Голгофѣ ли, въ моментъ искупленія, или въ день сошествія Св. Духа, или еще въ какой моментъ, едва ли умѣстно съ точностью утверждать, ибо этотъ моментъ съ точностью въ словѣ Б. не обозначенъ, и такъ какъ Мельниковымъ авторы и цитаты такихъ или иныхъ утвержденій не приведены, то на разборѣ этихъ обвиненій нѣтъ нужды и останавливаться. Да и какую вину такое или иное утвержденіе имѣло бы, если бы оно и принадлежало въ дѣйствительности какому-либо миссіонеру? Не винимъ же мы „владыку Арсенія“ Швецова, что по его ученію церковь то „создана на крестѣ“, то прежде всея твари, то, наконецъ, церковь „будетъ создана во второе пришествіе“ (см. его вышеупомянутое сочиненіе въ той же главѣ, стр. 106—109); или Павла Великодворскаго, который училъ, что Духъ Святый въ день Пятидесятницы рукоположилъ апостоловъ быть учителями поднебесной и подалъ имъ благодать хиротоніи (Ивановск. Рук—во по истор. и облич. раскола II, 98), а другіе расколоучители,—что уже ранѣе воскресенія апостолы были епископами (Усовъ).

IX.

Переходя съ IX главы къ указанію еретичности нашего ученія о всѣхъ таинствахъ, Мельниковъ въ отношеніи перваго изъ нихъ*) говоритъ: „О самомъ первѣйшемъ христіанскомъ таинствѣ—*св. крещеніи*—богословы и миссіонеры господствующей Церкви, *да и сама Церковь* (sic!) имѣютъ различныя вѣрованія, взаимно уничтожающія одно другое“, (67 стр.)... „они признаютъ не одно крещеніе, а нѣсколько. Они признаютъ крещеніе 1) трехпогружательное, 2) обливательное, 3) еретическое, 4) самозванное, 5) кощунственное и какое угодно, включительно до атеистическаго и заочнаго, совершаемаго надъ отсутствующими невѣрами и даже надъ нерожденными еще дѣтьми“... „Чего можно ждать

*) Т.-е. Крещенія.

отъ такихъ богослововъ... если они не способны понять сущности свят. крещенія... изъ чего оно собственно слагается"... (стр. 100). И вотъ добрую половину главы Мельниковъ вторично посвящаетъ укорамъ по адресу православной Церкви за то, что она разнится отъ греческой въ пріемѣ латинянъ и что у нея въ обличительной литературѣ на латинянъ осуждается поливательное крещеніе; а когда дѣло касается перекрещиванія латинянъ, то то же крещеніе защищается (причемъ противопоставляется рядъ выдержекъ изъ сочиненій Варнавы, Околовича, архим. Іосифа, Антонія Храповицкаго съ одной стороны и изъ сочиненія давно уже затасканнаго начетчиской полемикой Θеофана Прокоповича съ другой).

Но нами въ IV главѣ уже показано, насколько права прав.-русская Церковь въ своей практикѣ въ отношеніи пріема латинянъ и какъ она согласна въ этомъ и съ древне-русской до п. Филарета практикой и древне-греческой до собора 1756 года; а за другими доказательствами отсылаемъ желающихъ къ „Выпискамъ Озерскаго" и учебнымъ руководствамъ по обличенію раскола Плотникова и др., а Мельникову, если бы онъ былъ способенъ къ объективности, слѣдовало бы хотя въ 20-мъ столѣтіи не повторять подобныхъ обвиненій, которымъ только до нѣкоторой степени умѣстно было быть въ 17—18 столѣтіяхъ: вѣдь хорошо же онъ знаетъ, что благословлять къ всеобдержному употребленію поливательное крещеніе и допускать его дѣйствительность, какъ исключеніе по снисхожденію къ еретикамъ при пріемѣ ихъ—не одно и тоже; самое воззваніе архіепископа Волынскаго Антонія къ юго-западному духовенству, приведенное Мельниковымъ, оставить поливательное крещеніе, не ясно ли говоритъ, какъ не только въ принципѣ, но даже и на практикѣ смотритъ на всеобдержность этого крещенія русская іерархія. Признавать благодатность обливанія въ случаяхъ, требующихъ снисхожденія, Церковь признаетъ, а употреблять его какъ всеобдержное, она не употребляетъ. Да, еретическое поливательное крещеніе при пріемѣ католиковъ православная Церковь за таинство признаетъ, но не признаетъ ли еретическое крещеніе за таинство и такъ называемая старообрядствующая церковь? Обвиняя нашу Церковь во всѣхъ ересяхъ, какъ это дѣлаетъ теперь Мельниковъ, чрезъ перекрещиваніе ли она принимаетъ приходящихъ къ ней—такихъ ужасныхъ еретиковъ, какъ православные, видимо, даже горше латинянъ, и въ частности чрезъ перекрещиваніе ли принимались бѣглые попы и бѣглый митрополитъ Амвросій? А если нѣтъ, то значитъ, и старообрядцы повинны въ томъ же, въ чемъ Мельни-

ковъ обвиняетъ нашу Церковь, т. е. и они признаютъ еретическое крещеніе и они же до патріарха Филарета признавали и латинское поливательное крещеніе.

„Кощунственное“ крещеніе и „атеистическое“ (!) Мельниковъ усвояетъ православію на основаніи выдернутыхъ имъ изъ газетъ непровѣренныхъ слуховъ: а) изъ „Рус. Вѣд.“ (1907 г. № 171) о крещеніи безъ надлежащаго оглашенія въ Нижне-Колымск. у. по нѣсколько разъ чукчей изъ за табаку и б) изъ „Руси“ (1905 г. № 58.) о заочномъ крещеніи татаръ въ Тетюшскомъ уѣздѣ, но тутъ же, какъ бы противорѣча себѣ, отмѣчаетъ и постановленіе Иркутскаго миссіонерскаго съѣзда, требующаго утверждать крещеныхъ инородцевъ въ истинахъ вѣры; в) изъ распоряженія Смоленскаго епископа Никанора—„смотрѣть на лицъ, записанныхъ въ православныя метрическія книги юридически по рожденію ихъ, какъ на православныхъ, особенно въ случаѣ погребенія ихъ или совершенія у нихъ требъ, когда возникали недоумѣнія: вправѣ ли у нихъ совершать требы раскольническіе попы и сектанты, выдавая ихъ за своихъ чадъ. Мельниковъ выводитъ отсюда, что крещенію у насъ сообщается значеніе только „клейма“, „казеннаго штемпеля“, а не таинства, дѣйственнаго въ зависимости отъ вѣры и расположенія принимающаго. Насколько такого рода выводы неосновательны—видно и безъ разбора.

„Не только надъ невѣрующими людьми господствующая Церковь допускаетъ крещеніе: она крститъ еще нерожденныхъ младенцевъ“ (92 стр.), говоритъ Мельниковъ, что доказывается: а) совѣтомъ книги „Миръ съ Богомъ“—крестить младенца еще не вполнѣ вышедшаго изъ утробы матери, въ случаѣ смертномъ, и б) случаемъ, описаннымъ въ „Утрѣ Россіи“ (за 1910 г. 22 янв.), какъ какой-то священникъ въ Уссурійскомъ краѣ „окрестилъ заранѣе и выдалъ двѣ метрики еще не родившей матери на имя Прокопія и Евдокіи, уѣзжая изъ своего села въ отпускъ“ (стр. 93.). Мало того, „она (Церковь) крститъ даже четвероногихъ животныхъ (sic!); гдѣ и когда это было, или какое правило объ этомъ Церковью издано, на этотъ разъ Мельниковъ изъ скромности, „чтобы не смутить читателей“, не приводитъ цитатъ, а очень жаль: слѣдовало бы не только привести, а и приводимыя-то провѣрить и не искажать ихъ смысла.

Если приведенный имъ исключительный случай выдачи метрики неродившей еще матери и имѣлъ мѣсто,—что, конечно, весьма по нелѣпости и безсмысленности его сомнительно, то конечно, какъ осуждаемое Церковью исключительное злоупотребле-

ніе, и укорять за эти уродливости саму Церковь или ученіе ея богословія о семъ таинствѣ не только неправильно, но и не добросовѣстно. Злоупотребленій не мало желающіе могутъ указать и въ практикѣ обществъ старообрядческихъ, хотя бы напримѣръ (крещеніе на Преображенскомъ и Рогожскомъ кладбищахъ около 1771 года, совершеніе требъ по почтѣ при скудости поповъ въ бѣглопоповщинѣ и т. п.), отчего же не заключаютъ отсюда господа, подобные Мельникову, о богословіи старообрядствующей церкви и ея еретичности.... Что касается ссылки на книгу „Миръ съ Богомъ“, то ссылка эта у Мельникова очень глуха—не указано ни автора, ни мѣста и времени изданія этой книги,—трудно было даже и найти эту мало извѣстную книгу Иннокентія Гіезеля, изданія Кіевской лавры 1669 г., которая и называется-то нѣсколько иначе: „Миръ съ Богомъ человѣку, или покаяніе святое, примѣряющее Богови человѣка“. Въ этой книгѣ, дѣйствительно, подаются совѣты, какъ крестить опасно выходящихъ изъ чрева младенцевъ и—„дивовъ и чудъ“, но съ такою осторожностью и съ такими оговорками (см. стр. 110 и 113), что даже и эту книгу саму по себѣ нельзя обвинить въ поощреніи крещенія въ утробѣ матери или въ крещеніи четвероногихъ животныхъ, а кромѣ того эта книга не можетъ быть усвоена православной Церкви, какъ не чуждая ясно выраженнаго въ ней католическаго ученія о времени пресуществленія св. Даровъ, объ „довлетвореніи“, какъ составной части покаянія, о елеопомазаніи какъ inctio exeuntium (стр. 118, 125, 128), нерасторжимости брака (138) и т. д., вотъ о такихъ-то книгахъ и слѣдовало бы писать іеромонаху Тарасію, какъ содержащихъ латинскій элементъ.

„Самозванное крещеніе“ у православныхъ Мельниковъ видитъ въ томъ, что „православная Церковь“ принимаетъ крещеніе отъ протестантовъ. и отъ старообрядческихъ священнослужителей, хотя въ то же время признаетъ, что они самозванцы; но въ этихъ случаяхъ, какъ всякому понятно, церковь признаетъ крещеніе за дѣйствительное не потому, что оно совершено пасторомъ или бѣглымъ и австрійскимъ попомъ, а потому, что оно совершено міряниномъ христіаниномъ, правильно совершившимъ его во имя св. Троицы, крещеніе совершенное міряниномъ, въ уваженіе къ исключительнымъ фактамъ, не какъ обдержное, церковь, какъ извѣстно и Мельникову, всегда принимала и до Никона. Полномочій же совершать крещеніе и другія таинства православная Церковь сознательно самозванцамъ не давала, что, къ сожалѣнію, наблюдается однако въ австрійщинѣ и бѣглопоповщинѣ и сейчасъ и чего печальные факты особенно типичные

знаетъ исторія бѣглопоповщины въ 18 вѣкѣ; достаточно вспомнить хотя бы священнодѣйствія лжеепископовъ и ихъ ставленниковъ—Епифанія, Луки и Аѳоима, или позднѣе Антонія Пикульскаго и попа—бѣглаго лакея на Рогожскомъ кладбищѣ въ концѣ XVIII вѣка.

X.

„О таинствѣ мѵропомазанія господствующая Церковь такъ же, какъ и относительно крещенія, не имѣетъ одинаковаго и, конечно, православнаго ученія“ (стр. 101), продолжаетъ свои кропотливыя изысканія Мельниковъ. Здѣсь разнорѣчіе и мнимое неправославіе нашей Церкви, какъ и слѣдовало ожидать, главнымъ образомъ сказалось въ томъ, что содержа во всемъ истинное ученіе о семъ таинствѣ, какъ это призналъ и самъ Мельниковъ (смотри стр. 101—102), Православная Церковь не признаетъ благодати священства за Амвросіемъ и его ставленниками потому, что онъ принятъ былъ чрезъ мѵропомазаніе и этимъ непризнаніемъ Церковь своему мѵропомазанію яко-бы усвояетъ значеніе уничтожающаго, стирающаго благодать священства, а не то значеніе, которое должно бы за нимъ быть по ученію ея же символическихъ книгъ. „Это не печать Духа св., а какая-то смерть священству, подобно яду: „смерть черниламъ или смерть мухамъ“, кощунствуетъ Мельниковъ. „Мѵро православныхъ нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ всѣ анаѳемы и всѣ богоотступничества: ничто не можетъ сгладить хиротоніи, но помажьте священное лицо миссіонерскимъ мѵромъ и этого достаточно, чтобы оно превратилось въ простого мірянина. Мѵро, какъ волшебство какое-то, моментально сниметъ съ священнослужителя священный санъ“... Въ этомъ родѣ издѣвательства идутъ на протяженіи 104—114 стр. Но непріязненное чувство, видимо, ослѣпляетъ человѣка уже настолько, что онъ, изыскивая противорѣчія у другихъ, не въ силахъ замѣтить своихъ собственныхъ въ одной и той же главѣ. Съ того и началъ десятую главу Мельниковъ, что изложилъ истинное ученіе, содержимое православной Церковью о мѵропомазаніи, какъ таинствѣ, подающемъ дары св. Духа, возращающіе и укрѣпляющіе въ жизни духовной, привелъ выдержки изъ символическихъ книгъ, говорящіе о томъ, что чрезъ помазаніе св. мѵромъ христіане дѣлаются причастниками св. Духа (101). Какое же еще надо доказательство того, что Церковь содержитъ истинное ученіе о таинствѣ мѵропомазанія? Нѣтъ, Мельниковъ сейчасъ же изрыгаетъ цѣлый рядъ грубыхъ издѣвательствъ надъ

тѣмъ же ученіемъ о таинствѣ и даже надъ самимъ таинствомъ (стр. 104—113), якобы уничтожающемъ благодать св. Духа, смазывающемъ саны и т. д. Не видитъ Мельниковъ только одного, что если усвоять уничтожающее значеніе по отношенію къ санамъ австрійскаго духовенства именно мѵру, какъ то дѣлаетъ онъ, то логичнѣе было сдѣлать это ему въ отношеніи мѵра бѣлокриницкаго монастыря, а неправославнаго: вѣдь, выражаясь примѣнительно къ грубому языку Мельникова, собственно австрійское мѵро смазало благодать у Амвросія, а не наше православное мѵро: нашимъ Амвросія не мазали. Издѣваясь такъ грубоплоско, недостойно порядочнаго человѣка, надъ св. мѵромъ ослѣпленный нехорошимъ чувствомъ начетчикъ не замѣтилъ того, что онъ на протяженіи стр. 104 — 113 издѣвается именно надъ своимъ бѣлокриницкимъ мѵромъ.

Православная же русская Церковь, конечно, мѵропомазанію своему не усвояетъ значенія „смазывающаго“ саны у присоединяемыхъ, что и доказывать было бы дико; а принимая еретиковъ 2-го чина чрезъ мѵропомазаніе, согласно 37 гл. Кормчей. разсматриваетъ ихъ, какъ мірянъ, хотя бы они у своихъ и считались имѣвшими саны, но не потому они лишаются сановъ, что ихъ мѵропомазали, а потому, что кромѣ крещенія, у нихъ никакихъ таинствъ и не было, а, слѣдовательно, о санахъ ихъ и рѣчи быть не должно. Прав. 7-е 2-го вс. соб., 7-е Лаодикійскаго, 95-е 6-го всел. соб. и посланіе константинопольскаго собора къ еп. Мартирію съ толкованіемъ на него Вальсамона, Арменопула, Захаріи Капыстенскаго и др. обязуютъ именно такъ смотрѣть на еретиковъ 2-го чина. Хотя, конечно, Церковь въ исключительныхъ случаяхъ можетъ допустить и иное отношеніе къ еретикамъ этого чина, что было, напр., въ Константинополѣ въ отношеніи Мелхитскихъ уніатовъ, но едва ли что подобное было на Руси, хотя ссылкой на Иннокентія Усова—(лжеепископа) и хочетъ утвердить это Мельниковъ (103 стр.).

„Вѣруя, что мѵропомазаніе уничтожаетъ (sic!) хиротонію, миссіонеры подписываютъ этимъ смертный приговоръ всему священству господствующей Церкви“ (стр. 113), захлебывается отъ успѣха своихъ догадокъ и остротъ Мельниковъ. Какимъ образомъ, недоумѣваетъ читатель. Да какъ же торжествуетъ Мельниковъ. „Еще при Никонѣ патріархѣ оно было уже смазано: въ великій четвергъ п. Макарій Антіохійскій совершилъ обрядъ освященія мѵра и этимъ мѵромъ оба патріарха (т.-е. и Никонъ) взаимно помазали другъ друга, а потомъ стали мѵропомазывать всѣхъ присутствующихъ, начиная съ архіереевъ... Это мѵропомазаніе

должно было превратить и Никона и Макарія и всѣхъ (почему же всѣхъ, вѣдь не всѣ же они тогда были въ Москвѣ) русскихъ архіереевъ въ простыхъ мужиковъ"... Бѣдный Мельниковъ, онъ настолько ослѣпленъ тенденціозностью, что не остановился предъ явнымъ искаженіемъ упоминаемаго разсказа Павла Алепскаго, изъ котораго даже школьникъ уразумѣлъ бы, что Павелъ въ данномъ мѣстѣ описанія путешествія Макарія (въ п. III-й стр. 180—183) подробно и ясно разсказываетъ не о мѵропомазаніи, а о бывшемъ тогда въ употребленіи у насъ обычаѣ въ великій четвергъ совершать общее таинство елеосвященія. У Павла ясно говорится и о веществѣ таинства — винѣ и елеѣ и о стручцахъ для помазанія и о пшеницѣ для нихъ и о чтеніи 7 положенныхъ евангелій и апостоловъ и о помазаніи присутствующихъ именно *елеемъ*, а не мѵромъ.

Да вѣдь даже и изъ текста части разсказа выписаннаго у Мельникова въ искаженномъ нѣсколько видѣ и то видно это: „Патр. Никонъ спросилъ Макарія: надлежащимъ ли образомъ совершается этотъ обрядъ? Патр. Макарій сдѣлалъ лишь одно замѣчаніе, что слѣдовало бы возлить *вино на елей* (а не на мѵро)... Никонъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ"... Но развѣ вино въ мѵро возливаютъ при совершеніи мѵропомазанія: его примѣшиваютъ къ елею, именно при елеосвященіи; притомъ же, вмѣсто „мѵра" стоитъ и у Мельникова слово „елей" нѣсколько разъ. А потомъ, въ великій четвергъ всеобщаго мѵропомазанія никогда въ Успенскомъ соборѣ, какъ видно изъ его устава, не совершали, да и не могли совершать, ибо это таинство не повторяется надъ православными членами Церкви, за исключеніемъ случая помазаніе мѵромъ царей на царство.

Дальнѣйшее противорѣчіе богослововъ господствующей Церкви въ ученіи о таинствѣ мѵропомазанія Мельниковъ видитъ въ томъ, что, осуждая католиковъ за усвоеніе права совершать мѵропомазаніе лишь епископамъ, они, однако, не признаютъ этого права за бѣглыми попами. Но такія противорѣчія мы и защищать не будемъ: ужъ черезчуръ отысканіе ихъ характерно для начетчиковъ и крайне жалко въ глазахъ людей объективно-мыслящихъ. Надѣемся, что Мельникову, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что сказано въ Толковомъ апостолѣ о бѣглыхъ попахъ: „тайны, совершаемыя не посланными благочинными іереями, но отбѣгшими, ничтоже суть" и „на благословеніе такихъ іереевъ, имъ же тайна совершенна бываетъ, посылается отъ Бога клятва" (л. 548 об.), равно какъ не защищаемъ и заключительнаго обвиненія этой главы книги Мельникова въ отношеніи Церкви за то, что

она не признаетъ мvра у раскольниковъ бѣглопоповцевъ, до безконечности разбавляемаго простымъ масломъ,—по Мельникову все равно, что настоящее мvро, что простое масло, лишь бы капля мvра была въ немъ, хотя бы и на цѣлое ведро, но зачѣмъ бы тогда ежегодное почти мvровареніе, практиковавшееся и въ древней до Никоновской Русской Церкви и практикуемое доселѣ во всѣхъ помѣстныхъ церквахъ и зачѣмъ было бы „на всякое лѣто отъ архіереа мvро взимать“, какъ требуетъ та же книга „Миръ съ Богомъ“ Иннокентія Гіезеля, на которую когда, ему нужно, ссылается Мельниковъ (стр. 115).

XI.

Въ ученіи *о причащеніи* Церковь православная содержитъ, прежде всего, латинскую ересь. Она, по утвержденію Мельникова, „еретически учитъ въ книгѣ „Жезлъ правленія“, одобренной соборомъ 1667, о времени пресуществленія св. даровъ во время словъ „пріимите ядите“ и проч., хотя сама же въ лицѣ п. Іоакима („Остенъ“) и Питирима Нижегор. („Пращица“) осуждаетъ это свое ученіе какъ ересь“. Странная логика обвинителя: Церковь повинна ереси и та же Церковь осуждаетъ свою ересь; здравомыслящему человѣку, если онъ хочетъ быть доказательнымъ, слѣдовало бы устанавливать что-нибудь одно. А это одно хорошо каждому извѣстно, что наша Церковь содержитъ и всегда содержала именно православное ученіе о времени пресуществленія св. даровъ во время словъ „и сотвори убо хлѣбъ сей...“; значитъ, если бы „Жезлъ“ и содержалъ ученіе латинское по этому предмету, что это доказывало кромѣ лишь того, что частный писатель Симеонъ Полоцкій по данному вопросу выразилъ не вполнѣ православное ученіе? Но, къ огорченію Мельникова, этого нельзя сказать даже и о Жезлѣ. Въ дѣйствительности, онъ вовсе не содержитъ латинской ереси. Вмѣсто того, чтобы ссылаться на Татарскаго, Смирнова и другихъ истолкователей Жезла, якобы латинствующаго, лучше бы Мельникову было самому повнимательнѣе и безпристрастно прочитать ставимыя имъ въ вину Церкви православной возобличенія изъ Жезла правленія, и онъ тогда увидалъ бы, что Симеонъ Полоцкій въ возобличеніяхъ 13 и 15 протестуетъ противъ мысли Никиты Пустосвята, будто бы дары пресуществляются въ Тѣло и Кровь Христову еще въ началѣ литургіи—во время закланія агнца, и по этому поводу говоритъ: „хлѣбъ и вино“ даже до оныхъ словесъ Господнихъ: Пріимите ядите... и пійте отъ нея вси *и до прочихъ* (т. е. словесъ, а какихъ ниже видно) не имѣютъ пресуществленія въ Тѣло и Кровь Господню“...

„Якоже онъ гласъ рекій: растителся и множителся и наполняйте землю: речено убо есть единою, во всякое же лѣто бываетъ дѣло, взимая естество наше къ рожденію; тако и гласъ сей (т. е. „сіе есть тѣло“ и проч.) *единою* убо реченъ бысть отъ божественнаго языка онаго, на всякой же трапезѣ въ церквахъ даже до днесь, и даже до Его пришествія жертву совершенную содѣлываетъ, се явѣ есть, яко сими словесы таинство евхаристіи совершается; по святому же Василію *съ приложеніемъ оныхъ словесъ* послѣдствующихъ и „сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего, а еже въ чаши сей честную кровь Христа твоего, преложи я духомъ Твоимъ святымъ, о нихъ же онъ сице глаголетъ въ книзѣ 6 о св. Дусѣ въ главѣ 27: „нѣсть мы доволны словесы, апостоломъ, евангеліемъ воспоминаемыми во освященіи, но прежде и послѣжде глаголемъ иная, яко велію силу къ тайнѣ имущія“. Убо уже явѣ есть и то, яко *прежде* Господнихъ *и сихъ словесъ* изреченія, есть хлѣбъ, *нагъ* совершенныя благодати, и хлѣбъ пребываетъ, яко хлѣбъ“ (л. 41), и далѣе „Господними словесы *съ приложеніемъ прочихъ* тайны Христовы освящаются, яко же показахомъ въ 13 возобличеніи свидѣтельства св. отецъ“... „Се зрите, яко между Господними словесы *и оными*: „хлѣбъ убо сей сотвори его честнымъ тѣломъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, молитву дѣетъ священникъ, да освятитъ Богъ дары предложенныя, убо прежде Господнихъ словесъ и *сихъ* не быша освященни. Но и самая оная словеса: „хлѣбъ убо сей сотвори... что молятся, токмо да въ то время силою Господнихъ словесъ хлѣбъ преложится ьъ тѣло Христово, подобнѣ и вино въ кровь“... (147 л. Жезла). Ясно, какую мысль проводитъ въ Жезлѣ Симеонъ Полоцкій, и если бы, по начетчетскому обычаю Мельниковъ не скрылъ приведенныхъ словъ Жезла, а дочиталъ бы ихъ до конца, для него и для всякаго было бы очевидно, что даже Жезлъ Правленія не противорѣчитъ православному ученію, содержимому церковью, о времени пресуществленія св. Даровъ. Жезлъ только хочетъ поставить логическое удареніе на мысли, что пресуществленіе совершается силою *однажды* сказанныхъ на тайной вечерѣ словесъ Христовыхъ, а въ какой моментъ литургіи это бываетъ отъ момента повторенія этихъ словъ священникомъ и до конца пѣсни „Тебе поемъ“, онъ съ точностью не опредѣляетъ. Не было бы, далѣе, основанія у Мельникова укорять православную Церковь и въ хлѣбопоклонничествѣ, какъ особой ереси, что онъ дѣлаетъ далѣе и опять за то же, что она будто бы кланяется непресущественному Хлѣбу, какъ Тѣлу во время произношенія словъ „Пріимите ядите“... Впрочемъ, наличность у насъ

„хлѣбопоклонничества Мельниковъ обосновываетъ еще и на томъ, что православные нерѣдко кланяются во время великаго выхода переносимымъ дарамъ, еще не пресуществленнымъ; послѣднее основаніе, конечно, очевидная и уже совершенно бездоказательная выдумка о несуществующей и никогда въ такой формѣ не существовавшей ереси.

Пунктъ 4-й и 5-й той же главы „*о причащеніи*“ Мельниковымъ заполнены издѣвательствомъ надъ православною Евхаристіею, какъ надъ еретическимъ причастіемъ, „средствомъ опозоренія инакомыслящихъ“ (стр. 142), „средствомъ осквернения“, (стр. 141) „позорнымъ клеймомъ“, „тавромъ“, „орудіемъ полицейскаго сыска“ (137) и т. п. и все это за то, что: а) Софья когда-то велѣла казнить смертью даже и раскаявшихся и причастившихся раскольниковъ-пропагандистовъ, а б) во дни Петра велѣно было опредѣлять принадлежность къ расколу по тому, бываетъ ли у исповѣди и причастія человѣкъ или нѣтъ. Но вѣдь и до Никона предъ казнью у насъ причащали: иначе противъ чего же протестовалъ Никонъ, по словамъ самого же Мельникова, запрещая причащать предъ казнью разбойниковъ; и принадлежность къ церкви, конечно, ничѣмъ такъ опредѣленно не характеризуется, какъ признакомъ, указаннымъ въ Петровское время, т.-е. если бываетъ человѣкъ у исповѣди и св. Причастія, значитъ онъ принадлежитъ къ церкви. Злоупотребленія же и крайности, бывавшія въ пользованіи таинствомъ евхаристіи съ указанными цѣлями въ темныя времена и на почвѣ скорѣе политической, чѣмъ церковной— (вродѣ насильственнаго причащенія), едва ли можно ставить въ вину церкви: вѣдь самъ же Мельниковъ приводитъ свидѣтельство Ѳеодора Студита и Баронія (на стран. 142) о томъ „какъ еретики аріане и другіе причащали православныхъ еще въ древности, вставляя въ ротъ клинья“. Послѣ этихъ издѣвательствъ надъ св. Тайною, которую „Окружное посланіе“, обязательное и для Мельникова, уже давно признало за истинное таинство. Мельниковъ, какъ бы разошедшись, не оставляетъ своего тона до конца главы: мимоходомъ онъ съ насмѣшкой разсказываетъ со словъ Михаила Семенова о принудительномъ причащеніи семинаристовъ и ихъ иногда легкомысленномъ отношеніи къ таинству, выводя отсюда заключеніе о томъ, что нѣтъ у насъ въ семинаріяхъ правильнаго понятія о таинствѣ и, затѣмъ, особенно издѣвается надъ единовѣрцами и ихъ причастіемъ, которое, какъ совершаемое на 7-ми просфорахъ и по старообрядческимъ служебникамъ господствующею Церковью будто бы было осуждено съ клятвою, а теперь единовѣрцамъ позволено,

но, и позволивъ, Синодъ это причастіе за причастіе все же не считаетъ, что видно-де изъ пункта II-го правилъ единовѣрія 1800 г., которымъ православному только въ смертномъ случаѣ разрѣшено было причащаться у единовѣрческаго священника" (стр. 146). Но позволительно спросить у г. Мельникова: когда дороже и важнѣе всего для человѣка причастіе какъ не предъ смертію? Здоровый человѣкъ не всегда такъ сознательно относится къ великому таинству причащенія, какъ больной да еще при смерти, и однако въ это-то важное время Синодъ разрѣшаетъ православному причащаться у единовѣрческаго священника; развѣ это не лучшее признаніе дѣйствительности таинства? А потомъ Мельниковъ, очевидно, только по невѣжеству своему не знаетъ, что пунктъ II-й правилъ 1800 г. на практикѣ былъ смягченъ въ скорости же послѣ ихъ изданія и даже юридически измѣненъ въ пользу безусловнаго разрѣшенія православнымъ причащаться у единовѣрцевъ еще въ 1881 г. (см. Церк. Вѣдом. отчетъ Оберъ-П—ра). Такимъ образомъ, никакого противорѣчія и здѣсь въ воззрѣніяхъ церковныхъ на таинство причащенія совершенно нѣтъ.

XII.

„Вопросъ о таинствѣ *священства* для современныхъ богослововъ, заявляетъ Мельниковъ, такой темный непроходимый лѣсъ, что они точно слѣпые бьются въ немъ о каждое дерево: и во 1-хъ, даже по вопросу „когда установлено таинство священства въ Церкви Христовой, они (повторяетъ Мельниковъ уже разъ высказанное обвиненіе) разнорѣчатъ, — одни утверждаютъ, что священство установлено Христомъ задолго до Пятидесятницы (м. Григорій, м. Филаретъ, м. Макарій, еп. Сильвестръ, арх. Иннокентій, Матвѣевъ, св. Златоустъ, проф. Субботинъ), другіе (іером. Филаретъ и миссіонеры школы Павла Прусскаго), что „учрежденіе Христ. Церкви и церковной іерархіи послѣдовало въ день Пятидесятницы" (стр. 153—160). Во 2-хъ, одни упорно твердятъ, что священство вѣчно и неуничтожимо, а Никонъ патріархъ— „основатель новообрядческой церкви (Sic!),—уже въ половинѣ 17 вѣка отрицательно отнесся ко всей русской іерархіи и даже всей вообще тогдашней русской церкви": — „все упразднилося святительство, и священство, и христіанство — отъ мала до велика", заявилъ онъ (стр. 160—162). Это „исповѣданіе" Никона „въ корень разрушаетъ утвержденія миссіонеровъ и богослововъ господствующей Церкви относительно вѣчности священства". Въ

3-хъ, одни учатъ о неизгладимости священства и неповторяемости его (символическая книга, митр. Василій Смирнскій, еп. Сильвестръ, митр. Макарій), другіе говорятъ, что священство уничтожимо (кіевскій миссіонерскій съѣздъ), особенно когда дѣло касается бѣглопоповскаго священства и Амвросіевскаго архіерейства, или, вообще, когда священникъ или архіерей отступаетъ въ расколъ" (стр. 162—168). Въ 4-хъ, „длинный рядъ миссіонеровъ (Гринякинъ, Александровъ, Картушинъ, Поповъ, Озерскій, Павелъ Прусскій, Крючковъ) утверждаютъ, что у еретиковъ нѣтъ благодати священства и вообще благодати св. Духа, но въ то же время съ неменьшимъ рвеніемъ утверждаютъ, что въ еретическомъ обществѣ есть, несомнѣнно, благодать хиротоніи (Чинновъ, Булгаковъ, Зубаревъ, Строевъ, стр. 162—188). Въ частности въ 5-хъ, „относительно старообрядческой австрійской іерархіи одни говорятъ, что она самозванная, недѣйствительная, безблагодатная (Павелъ Прусскій, игуменъ Парѳеній, Е. Антоновъ, Крючковъ), а другіе (мисс. Головкинъ, проф. Ивановскій, проф. Покровскій, архіеп. Антоній Волынскій, мисс. Костровъ, арх. Іаковъ яросл.) признаютъ, что старообрядческія духовныя лица—это не простые мужики, а поставленныя въ духовную степень по принятому въ церкви чину и порядку" (стр. 188—194).

Таковы немногочисленныя, лишь искусственно разбитыя на отдѣльные пункты, разнорѣчія и еретичествованіе, которые отыскалъ Мельниковъ въ ученіи Церкви о таинствѣ священства, но точно ли и эти малочисленныя разнорѣчія касаются существа таинства. Всѣ онѣ, какъ всякому видно, относятся или къ внѣшней исторіи института іерархіи, или же къ вопросу о принятіи еретиковъ 2-го и 3-го чина въ сущемъ санѣ и безъ сана, а вовсе не къ существу таинства, слѣдовательно, напрасно Мельниковъ торжественно заявляетъ, что о таинствѣ священства ученіе Церкви еретично и неистинно, притомъ же онъ и самъ достаточно привелъ выдержекъ изъ нашихъ символическихъ книгъ, характеризующихъ православное воззрѣніе на это таинство.

Что же касается перечисленныхъ трехъ пунктовъ разнорѣчій (говоримъ трехъ потому, что 3, 4 и 5 пункты въ существѣ дѣла касаются одного и того же австрійскаго священства и лишь искусственно Мельниковымъ расчленены на нѣсколько),—то они, по обычаю, существуютъ не въ дѣйствительности, а въ тенденціозно настроенной головѣ Мельникова. Въ самомъ дѣлѣ, первое разнорѣчіе о началѣ іерархіи, какъ повторенное, нами уже разобрано ранѣе и уничтожается самимъ же Мельниковымъ, когда онъ на стр. 160 заявляетъ, что „когда миссіонерамъ приходилось

возражать безпоповцамъ, утверждающимъ, что до Пятидесятницы Церковь Христова, подобно безпоповщинскому обществу, была въ безіерархическомъ состояніи, тутъ миссіонеры изъ всѣхъ силъ доказывали, что еще до дня Пятидесятницы апостолы обладали во всей полнотѣ властью и дарованіями высшей іерархіи, они были первые епископы, поставленные Господомъ и отъ Самого Господа получили благодать Духа Святаго до Пятидесятницы. Но какъ только вступалъ въ бесѣду съ миссіонерами старообрядецъ, пріемлющій священство, и указывалъ, что всѣ апостолы, имѣвшіе на себѣ епископство и получившіе отъ Самого Христа благодать Духа Святаго и всю полноту іерархической власти, уклонились въ невѣрствіе Христову Воскресенію, но Церковь Божія отъ сего не разрушилась, какъ не разрушилась она и при Никонѣ, когда почти всѣ епископы уклонились въ ересь и нечестіе;—миссіонеры опять хватались за теорію объ епископской благодатной струѣ, текущей непрерывно по главамъ епископовъ со дня Пятидесятницы..." Иначе говоря, самъ Мельниковъ до нѣкоторой степени понимаетъ, что объ одномъ и томъ же предметѣ въ разное время съ разныхъ точекъ зрѣнія можно говорить какъ бы противоположное, смотря по тому, на какую черту наиболѣе направляется доказательство и какая черта въ предметѣ по этому дѣлается болѣе выпуклою. Конечно, и миссіонеры, и богословы, утверждающіе друго-преемство благодати епископской отъ временъ Сошествія Св. Духа прекрасно знаютъ о полномочіяхъ апостоловъ, полученныхъ ими отъ Христа до Пятидесятницы, а если, въ извѣстномъ случаѣ, не говорятъ объ этомъ, значитъ цѣль бесѣды требовала обратить вниманіе на другое. Вѣдь и сами же старообрядцы, напримѣръ, утверждая уклоненіе въ невѣрствіе апостоловъ, какъ іерарховъ (въ лицѣ Усова), въ то же время учатъ о возженіи благодати архіерейства на Амвросіи „по ввидѣ огненныхъ языкъ нашествію" въ лицѣ Павла Бѣлокриницкаго, о чемъ подробнѣе говорилось нами уже ранѣе.

Что касается второго разнорѣчія о вѣчности священства—когда символическія и богословскія книги греко-россійской Церкви признаютъ, что благодать священства не можетъ быть сглажена и уничтожена, а Никонъ, коего „православные якобы считаютъ за святого и молятся ему" (стр. 162), уже при своей жизни признанъ уничтоженнымъ и упразднившимся, то о такомъ противорѣчіи дозволительно лишь говорить, не уважая самого себя развѣ весьма малограмотному начетчику, а не Мельникову: если бы Никонъ и дѣйствительно утверждалъ упраздненіе свя-

щенства по поводу назначенія крутицкаго м. Питирима завѣдующимъ оставленною имъ патріаршею каѳедрою, то развѣ это утвержденіе касалось вселенской церкви: оно касалось только одной русской, да и то не всей, ибо, конечно, не касалось, какъ само собой разумѣется, самого Никона и его ставленниковъ, а затѣмъ выдержка о Никонѣ, приведенная Мельниковымъ изъ сочиненія (п. Никонъ и Царь Алексѣй Михаиловичъ) Каптерева, по обычаю грѣшитъ недомолвкою. Когда Никонъ употребилъ приведенное Мельниковымъ выраженіе и въ какой формѣ, въ формѣ ли ученія, обязательнаго для членовъ русской церкви, или иначе? Если бы Мельниковъ это договорилъ, для всякаго ясно было бы, что эти и подобныя выраженія вырывались у Никона въ минуты раздраженія, какъ у человѣка не сдержаннаго, но и послѣ и ранѣе того Никонъ писалъ о церкви своей совсѣмъ другое (Каптеревъ п. Никонъ и ц. Алекс. Мих. гл. IX I-го т. и гл. IV 2-го т.). Да и можно ли серьезно говорить объ уничтожимости и невѣчности священства, коему даны обѣтованія вѣчности самимъ Господомъ, только потому, что подобное выраженіе изречетъ во гнѣвѣ какой-либо человѣкъ, хотя бы и патріархъ, такую мысль лишь съ опредѣленною цѣлью могутъ доказывать только пріемлющіе австрійскую іерархію и то лишь тѣ, которымъ очень хочется вытолковать прекращаемость іерархіи по подобію 180-лѣтняго прекращенія ея у нихъ.

Наконецъ, что касается третьяго разнорѣчія въ отношеніяхъ богослововъ и представителей православной церкви къ священству еретическому вообще и раскольничьему въ частности, то мы не отрицаемъ его всецѣло: правда, что этотъ вопросъ нельзя признать въ нашей Церкви опредѣленно и точно рѣшеннымъ, и потому было бы очень желательно по нему имѣть точно опредѣленное и обоснованное рѣшеніе авторитетнаго для всѣхъ сыновъ Церкви собора; но все же всѣ наши богословы и миссіонеры, и при всемъ кажущемся несогласіи ихъ въ частностяхъ, по сознанію самого же Мельникова (стр. 192), въ общемъ единомысленны: „они, считая еретическую хиротонію незаконною, антиканоническою и безблагодатную, пока еретики живутъ внѣ церкви, допускаютъ, что православная церковь вправѣ въ особо уважительныхъ случаяхъ принять еретиковъ и въ частности раскольниковъ въ сущемъ санѣ, и чрезъ пріобщеніе отпадшихъ членовъ къ своему живому тѣлу возгрѣть въ нихъ дѣйствіе живущей въ ней благодати Духа Св., которая, какъ само собой разумѣется, дана Спасителемъ только Церкви Его и внѣ ея не дѣйствуетъ. По этому нисколько не противорѣчитъ себѣ и преосв. Антоній Во-

лынскій, когда подписываетъ, въ званіи предсѣдателя, постановленіе Миссіонерскаго Кіевскаго съѣзда о неканоничности и безблагодатности австрійской іерархіи и тогда, когда въ бесѣдѣ съ Мельниковымъ (стр. 193) считаетъ ихъ, архіереевъ, пока они не соединились съ церковью, за простыхъ мірянъ, а въ то же время предполагаетъ возможность принять ихъ въ сущемъ санѣ. Къ сожалѣнію, по вопросу объ отношеніи къ еретической іерархіи нѣтъ опредѣленности и въ „старообрядческой церкви", которая, по гордому заявленію Мельникова, „якобы все единогласно порѣшила и всегда содержитъ непоколебимо" (стр. 72). Для примѣра укажемъ хотя бы на отношеніе окружниковъ къ неокружнической іерархіи: Арсеній Швецовъ въ своемъ „Сказаніи какъ поставленъ во епископа вторый Антоній (Златоструй № 2—3 за 1910 г.), именуемый Гуслицкимъ, отъ котораго, какъ извѣстно, ведетъ свое начало противоокружническая старообрядческая іерархія, доказываетъ, что этотъ Антоній „вошелъ не дверьми" въ священныхъ правилахъ изображенными, *а пролѣзъ дырою явнаго для всѣхъ беззаконія* и есть тать и разбойникъ". М. Кириллъ въ 1870 г. „послалъ Антонію *запрещеніе отъ всякаго священнодѣйства*", а тотъ *„мнимосвятительскія дѣйствія* все же продолжалъ". Кириллъ, опираясъ на авторитетъ освященнаго собора, еще разъ подвергъ окончательному изверженію изъ сана Антонія въ 1871 г. 5 іюля, а тотъ въ 1873 г., какъ бы въ отвѣтъ на это, поставилъ въ нижегородскаго епископа Іосифа. Итакъ, заключаетъ Швецовъ, „изъ предложеннаго объясненія видно, что Іосифъ, нижегородскій епископъ, поставился отъ 2-го Московскаго епископа Антонія, бывшаго уже не только подъ единымъ запрещеніемъ, но даже и подъ окончательнымъ изверженіемъ священнаго сана отъ поставившаго его митрополита Кирилла. Какъ же, поэтому нужно было окружникамъ отнестись къ происшедшей отъ Антонія вѣтви австрійской іерархіи? Не иначе какъ къ недѣйствительной. И однако съ такимъ священствомъ окружники нашли возможнымъ устроить примиреніе (въ 1906 г.), считаясь съ его санами, какъ съ дѣйствительными. Развѣ это не противорѣчіе, а таковыхъ можно бы отыскать старообрядцевъ гораздо больше, если бы кто въ противовѣсъ Мельникову задался такой цѣлью.

XIII.

Въ ученіи Православной Церкви о таинствѣ *покаянія* искаженія и противорѣчія Мельниковъ видитъ въ томъ, во-первыхъ, что вопреки истинному, приведенному имъ догматическому ученію Прав. Церкви (стр. 195—8) о дѣйственности таинства, тре-

бующему, какъ обязательное условіе его дѣйственности, искренняго раскаянія. При Петрѣ и послѣ него отъ лица Синода на покаяніе стали смотрѣть будто бы лишь какъ на гражданское удостовѣреніе о благонадежности, приневоливая подъ угрозой штрафа, идти на исповѣдь, хотя бы и безъ искренняго раскаянія. Но, конечно, подобныя распоряженія, цѣлесообразность которыхъ мы оправдывать не беремся, во всякомъ случаѣ исходили не отъ мысли, что для дѣйствительности таинства не нужно искреннее раскаяніе, а изъ желанія видѣть большую аккуратность въ исполненіи сынами русской церкви христіанскихъ обязанностей и, значитъ, здѣсь съ принципіальной точки зрѣнія никакого противорѣчія въ ученіи нашей Церкви о таинствѣ покаянія и нѣтъ.

Точно также мало говоритъ „объ искаженіи церковью ученія о таинствѣ покаянія“ второй пунктъ обвиненія объ обращеніи Синодомъ при Петрѣ „таинства исповѣди въ полицейскій институтъ“ (стр. 198—201), о чемъ будто бы ясно гласитъ Духовный Регламентъ, содержащій требованіе Петра къ духовникамъ доносить о не оставляющихъ своихъ злыхъ намѣреній кающихся противъ царской власти и государства, если они (духовники) узнаютъ объ этомъ на исповѣди,—ибо это распоряженіе есть скорѣе свидѣтельство о неправильномъ воззрѣніи на таинство со стороны гражданской власти, чѣмъ самопротиворѣчіе Церкви, такъ какъ Духовный Регламентъ есть актъ скорѣе гражданскаго законодательства по дѣламъ церкви, чѣмъ чисто церковный: онъ изданъ „повелѣніемъ Петра“ и „по соизволенію Правительствующаго Сената“. Правительство же церковное, принимая его, видимо, всячески лишь старалось согласить его съ понятіями церковными, какъ въ частности это видно и по данному пункту. Въ регламентѣ тщательно выяснено, что духовный отецъ только въ томъ случаѣ обязанъ сообщать объ умышляемомъ злодѣяніи, когда каящійся „покажетъ себя, что не раскаявается, но ставитъ себѣ въ истину и намѣренія своего не отлагаетъ и не яко грѣхъ исповѣдуетъ: но паче дабы тако согласіемъ, или молчаніемъ духовника своего, въ намѣреніи своемъ утвердися, что отсюду познать мощно: есть ли повелитъ ему духовный отецъ именемъ Божіимъ отстать всеконечнѣ отъ намѣренія своего злаго, а онъ молча и аки бы сумняся или оправдая себя въ томъ непремѣненъ явится, то долженъ духовникъ не тако его за прямо исповѣданныя грѣхи прощенія и разрѣшенія не сподоблять (не есть бо исповѣдь правильная, аще кто не всѣхъ беззаконій своихъ кается), но и донести вскорѣ о немъ, гдѣ надлежитъ, слѣдуя указу... состоявшемуся 22 апрѣля нынѣшняго 1722 г... понеже

объявленіе беззаконія намѣреннаго, котораго исповѣдающійся отстать не хощетъ и въ грѣхъ себѣ не вмѣняетъ, *не есть исповѣдь* ниже часть исповѣди, но коварное ухищреніе". (Регл, 102).

Такъ какъ „служити и прямити Государю своему" тогда требовалось присягою не отъ мірянъ только, какъ вѣрноподданныхъ, а и отъ священниковъ, то требованіе духовнаго регламента Петра, видимо, было только частичнымъ истолкованіемъ этой присяги въ примѣненіи къ священникамъ, таинство же этимъ Рекламентъ, конечно, по тогдашнимъ понятіямъ, нисколько не хотѣлъ исказить, какъ, очевидно, и Синоду тогдашнему мысль объ искаженіи понятія о таинствѣ безусловно была чужда; а если упомянутое средство и претитъ нашему современному сознанію, то вѣдь на него и смотрятъ обычно какъ на фактъ изъ области того прошлаго, о чемъ среди потомковъ, благодарныхъ Петру за его великое, принято съ укоромъ не говорить: ибо ему приходилось бороться за свои великія начинанія съ слишкомъ многими врагами.

3-й пунктъ обвиненій Мельникова повторяетъ снова укоръ за введеніе насильственной исповѣди, о чемъ авторъ уже говорилъ въ 1-мъ пунктѣ этой главы и въ главѣ о причащеніи, какъ связанномъ неразрывно съ покаяніемъ, и потому мы не будемъ его снова разбирать.

Далѣе Мельниковъ укоряетъ Православную Церковь (207 стр.) за „противорѣчивое ученіе ея символическихъ и каноническихъ" (Sic!) богословскихъ книгъ объ епитиміи, которая въ ней будто бы со временъ Регламента отставлена, а между тѣмъ „Православнымъ Исповѣданіемъ" считается необходимою составною частью таинства покаянія и трактуется имъ, подобно Б. Катехизису, какъ удовлетвореніе правдѣ Божіей, какъ наказаніе. Но самъ же Мельниковъ основательными словами миссіонера Александрова (стр. 206—7), во-1-хъ, опровергаетъ свою мысль, что епитимія у насъ, какъ врачество, отставлена, а во-2-хъ, мысль о разумѣніи Церковью епитиміи, какъ удовлетворенія въ духѣ латинскомъ, почерпаетъ изъ „Православнаго Исповѣданія" искусственно, по обычаю урѣзывая и искажая подлинное ученіе книги. Тамъ мы читаемъ о покаяніи и епитиміи буквально слѣдующее: „пятая тайна есть покаяніе, еже есть болѣзнь сердца о грѣсѣхъ, имиже согрѣши человѣкъ, яже порицаетъ предъ іереемъ съ мыслію извѣстною еже исправити жизнь свою въ будущее и съ желаніемъ совершити, еже запретитъ іерей-духовникъ его" (не то у Мельникова). „Сія тайна можествуетъ и пріемлетъ мощь, егда рѣшеніе грѣховъ бываетъ чрезъ іерея по чину и обычаю цер-

ковному, отнелѣ же простится,—оставляются грѣхи въ часъ оный вся отъ Бога чрезъ іерея"... (л. 302 об.). Гдѣ же здѣсь рѣчь объ „удовлетвореніи", безъ котораго якобы недѣйствительно покаяніе? И далѣе: „третья часть покаянія подобаетъ быти канонъ и епитимія, юже опредѣляетъ духовникъ, яко молитвы, милостыни, посты, посѣщеніи святыхъ мѣстъ, церквей и подобныя, якоже явится прилично разсужденію духовника, обаче отходящему отъ исповѣданія подобаетъ помышляти иное, яже рече псалмопѣвецъ: „уклонися отъ зла и сотвори благо", и оная, яже рече Спасъ нашъ: „се здравъ былъ еси, не ктому грѣши"... всякъ православный сотворитъ яко все исправленіе, елико можетъ въ жизни своей по совѣсти, юже имать" (отв. 113). Ясно, что епитимія разсматривается здѣсь какъ врачество, какъ средство для исправленія, а не какъ латинское „довлетвореніе", о которомъ упоминается въ Б. Катехизисѣ.

Наконецъ, въ своемъ прокурорскомъ (надъ православіемъ) ражѣ, въ главѣ о покаяніи Мельниковъ доходитъ до обвиненія православной Церкви въ продажѣ индульгенцій: „Синодъ Духовнымъ Регламентомъ постановилъ, говоритъ Мельниковъ, совершенно отмѣнить епитимію при исповѣди и оной къ тому не употреблять" и далъ право священникамъ разрѣшать привлеченныхъ къ исповѣди лицъ отъ всѣхъ грѣховъ, какіе бы они не были, не обращая вниманія ни на степень ихъ раскаянія", ни на объявленные и содѣянные ими грѣхи. Развѣ это безоглядочное разрѣшеніе—не индульгенція. Вѣдь индульгенція, собственно не грамота, а разрѣшеніе безъ наложенія епитимій и за деньги". (такъ-ли?) Индульгенціи, установленныя Синодомъ въ русской господствующей Церкви, болѣе ужасны, болѣе безнравственны, чѣмъ папскія индульгенціи", „А такія индульгенціи, какія введены въ римско-католической церкви, давнымъ давно приняты и въ греческой церкви и не разъ раздавались греческими патріархами и въ Россіи, съ разрѣшенія, конечно, русскихъ властей духовныхъ и гражданскихъ"... Причемъ перечисляются примѣры Аѳанасія Пателарія, Макарія Антіохійскаго, Паисія Іерусалимскаго, продававшихъ будто бы латинскія индульгенціи въ 17 вѣкѣ въ южной Россіи"... „Въ настоящее время всѣ восточные патріархи выдаютъ разрѣшительныя отъ грѣховъ грамоты безъ всякой исповѣди и кому попало,—давай только деньги. У гроба Господня въ Іерусалимѣ греческое духовенство совершаетъ особыя разрѣшительныя литургіи за плату въ 25 рублей съ каждой литургіи. Эта литургія избавляетъ, по ученію греческой іерархіи, отъ всѣхъ грѣховъ и преступленій"... „Тамъ же совер-

шаются сорокоустыя разрѣшительныя панихиды съ чтеніемъ отпустительной молитвы, разрѣшающей души усопшихъ отъ всякихъ клятвъ"... Что сказать объ этомъ обвиненіи? Ясное дѣло, что по отношенію къ Синоду русской Церкви оно является намѣренной передержкой, проистекающей отъ желанія во что бы то ни стало отыскать еретичество тамъ, гдѣ его нѣтъ, хотя бы это обвиненіе шло въ разрѣзъ съ понятіемъ объ индульгенціи, а можетъ быть и съ искаженіемъ смысла словъ Регламента. Впрочемъ, объ индульгенціяхъ часто не имѣютъ правильнаго понятія и люди, болѣе освѣдомленные въ тонкостяхъ католическаго ученія, чѣмъ Мельниковъ. Что же касается примѣровъ раздачи разрѣшительныхъ грамотъ у насъ на Руси пріѣзжавшими сюда въ XVII в. восточными патріархами, то эти факты недостаточно разъяснены въ исторіи, а изъ свидѣтельства тѣхъ источниковъ, которые цитируетъ Мельниковъ, видно, что „разрѣшительныя грамоты" этихъ патріарховъ были нѣчто другое, чѣмъ католическія индульгенціи; такъ, патр. Аѳанасій, будучи въ Москвѣ, испросилъ у царя Алексѣя Михайловича разрѣшеніе на напечатаніе 500 разрѣшительныхъ грамотъ, или, какъ называетъ ихъ Мельниковъ, индульгенцій, но въ своей челобитной объ этомъ писалъ такъ: „Да вели, Государь, мнѣ, богомольцу твоему, напечатать на своемъ дворѣ 500 разрѣшительныхъ грамотъ, потому что, какъ я ѣхалъ къ тебѣ въ Москву чрезъ войско запорожскихъ казаковъ, въ то, Государь, время приходили ко мнѣ *на исповѣдь* многіе черкесы и, *по обычаю своему*, просили у меня разрѣшительныхъ грамотъ, и мнѣ некого было послать въ Кіевъ для напечатанія ихъ. А какъ я, богомолецъ твой, поѣду изъ Москвы назадъ, тѣ запорожскіе казаки опять начнутъ у меня разрѣшительныхъ грамотъ просить, а иные вновь на исповѣдь приходить будутъ"... (214 стр.). По этому свидѣтельству выходитъ, что эти грамоты выдавались какъ будто при условіи исповѣди, тогда какъ индульгенціи какъ извѣстно, выдаются безъ исповѣди. Съ другой стороны, у Павла Алепскаго есть упоминаніе о раздачѣ имъ при отъѣздѣ изъ Москвы отъ имени патр. Макарія „разрѣшительныхъ грамотъ" въ Москвѣ царю Алексѣю Михайловичу съ семействомъ и сановникомъ". (Путешествіе Макарія вып. IV-й, стр. 158) и о раздачѣ Макаріемъ таковыхъ же грамотъ проѣздомъ въ Кіевѣ, причемъ эти грамоты получали тамъ даже „маленькіе мальчики", а женщины брали „для отсутствующихъ мужей" (стр. 186). Очевидно, эти грамоты были нѣчто другое, чѣмъ индульгенціи, ибо не сталъ бы просить древнеблагочестивый

православный Алексѣй Михайловичъ для себя и семьи латинской индульгенціи, а для дѣтей онѣ не нужны.

И во всякомъ случаѣ можно еще, на основаніи приведенныхъ случаевъ говорить о злоупотребленіяхъ въ жизни церковной и особенно греческой, но правильное ученіе о таинствѣ покаянія, какъ сознается самъ Мельниковъ, все же „можно знать изъ богословскихъ книгъ церкви“ (стр. 217).

XIV.

„Во взаимныхъ пререканіяхъ и спорахъ о таинствѣ брака, продолжаетъ свою линію Мельниковъ, богословы и архипастыри господствующей Церкви совсѣмъ потеряли способность различать духъ Христовъ отъ духа антихристова и упорно обличаютъ другъ друга въ противленіи Христу и поклоненію Его противнику“. Откуда же это слѣдуетъ? А вотъ: во-1-хъ, одни изъ нихъ (прот. Александровъ, архіеп. Антоній, еп. Іоаннъ Смоленскій) отрицаютъ смѣшанные браки христіанъ съ иновѣрцами, а другіе (самъ же Синодъ въ Духовномъ Регламентѣ и законъ 1905 г.) допускаютъ. Во-2-хъ, они не согласны въ рѣшеніи вопроса, что выше—бракъ или дѣвство; въ 3-хъ, что такое бракъ,—и въ опредѣленіи этого они не согласны, да и Синодъ самъ „путается въ опредѣленіи брака: въ 1729 г. онъ опредѣлилъ язычниковъ-калмыковъ, когда ихъ 176 человѣкъ обратилось въ православіе у Царицына, не перевѣнчивать, а старообрядческіе браки въ 1808 году велѣно перевѣнчивать“, и, въ-4-хъ, въ отношеніи разрѣшенія брака въ степеняхъ родства нѣтъ въ церкви единства: бракъ родныхъ братьевъ на родныхъ сестрахъ вообще запрещается, а во вниманіе къ особымъ условіямъ жизни литовскаго края архіепископу Литовскому разрѣшено повѣнчаніе браковъ съ родною сестрою невѣстки, т.-е. родные братья могутъ получить разрѣшеніе на повѣнчаніе съ родными сестрами и съ родною сестрою зятя, т.-е. братъ и сестра съ одной стороны могутъ вступить въ бракъ съ сестрою и братомъ съ другой стороны“... (стр. 232). „Однимъ словомъ, за (?) какой бы вопросъ о бракѣ мы ни дотронулись (какова грамматика), въ каждомъ мы видимъ разномысліе и разновѣріе богослововъ господствующей Церкви и ея іерархіи. Вотъ ужъ воистину—„что мужикъ, то вѣра, что баба, то уставъ“, остритъ Мельниковъ.

Но увы, если всѣ, ранѣе отысканныя Мельниковымъ и съ болѣе свѣжими силами, разнорѣчія и еретичества Церкви оказывались мнимыми, то къ концу арсеналъ Мельникова уже совсѣмъ

изсякъ: всѣ разнорѣчія о таинствѣ брака ужъ очень бѣлыми нитками сшиты: приходится дѣлать такія натяжки, которыя и самою снисходительною логикою не пріемлются. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ затронутые Мельниковымъ вопросы касаются ученія Церкви о существѣ таинства, его формы, матеріи и проч., всѣ они только соприкасаются, какъ случаи, съ вопросомъ объ условіяхъ при вступленіи въ бракъ для лицъ, имѣющихъ на то право; слѣдовательно, какъ бы ни рѣшались въ жизни Церкви подобные практическіе вопросы, это ученія Церкви о тайнѣ брака нисколько не повреждаетъ. Въ частности и перечисленныя разнорѣчія характера не противорѣчащаго и исключающаго, а лишь изъяснительнаго: если арх. Антоній или мисс. Александровъ ратуютъ противъ смѣшанныхъ браковъ, это не значитъ, что они не единомудренны съ своею Церковью въ исполненіи дѣйствующихъ по сему вопросу узаконеній; если Св. Синодъ разрѣшилъ 176 калмыкамъ пребывать въ прежнемъ бракѣ безъ новаго бракосочетанія (фактъ непровѣренный) въ видѣ изъятія по особо уважительнымъ условіямъ, нельзя же считать это за принципіальное противорѣчіе тому, когда онъ въ 1808 г. запрещаетъ браки лишь возможные православныхъ съ раскольниками, вѣроятно, въ предупрежденіе прозелитизма.

Вопросъ о превосходствѣ дѣвства предъ супружествомъ историческимъ церковнымъ сознаніемъ рѣшенъ положительно, а если „одинъ какой-то богословъ въ диспутѣ доказывалъ преимущество брака предъ дѣвствомъ семейственностью жизни Прес. Троицы, въ которой есть Отецъ, Мать, Духъ Святой, какъ божественное существо, якобы женскаго пола, и Сынъ“ (стр. 228), то какъ и самый фактъ этого доказательства должно отнести на совѣсть Мельникова, такъ и доказательство на отвѣтственность этого анонимнаго богослова; равно такъ же и выраженія о бракѣ В. В. Розанова какъ „*о грязной рогожѣ*, къ которой Церковь прикрѣпила пломбу съ надписью: сукно ангельской чистоты“ и—Гринякина—„бракъ есть сукно и настоящее—божественной фабрики“, произнесенныя якобы ими въ религіозно философскомъ обществѣ, до Церкви и ея ученія о бракѣ, какъ само-собою разумѣется, не касаются.

Разрѣшеніе же Синодомъ брака въ степеняхъ родства, недозволенныхъ нашею Церковью, для литовскаго края въ видѣ исключенія, какъ исключеніе и должно трактоваться, а не какъ противорѣчіе себѣ. И даже инкриминируемое Мельниковымъ Синоду разрѣшеніе на повѣнчаніе кума съ кумой, когда „въ 1873 г. 19 апрѣля позволено было полковнику Андрею Лисец-

кому вступить въ бракъ съ вдовицею Анною Гульдынскою, у которой онъ крестилъ ранѣе того дочь“ (232 стр.), не противорѣчитъ праву церкви: кумъ при крещеніи дѣвочки не вступаетъ въ духовное родство ни съ крещаемою, ни съ ея матерью, равно какъ и кума при крещеніи мальчика: слѣдовательно, бракъ Лисецкаго былъ допустимъ.

XV.

„Въ богословскихъ книгахъ господствующей церкви содержится разное вѣрованіе и относительно 7-го таинства церковнаго елеосвященія“ заканчиваетъ свой критическій *„обзоръ вѣроученія Церкви“* г. Мельниковъ: 1) „Одни изъ богослововъ учатъ, что елеосвященіе есть таинство прощенія грѣховъ“—(„Православное исповѣданіе вѣры“ и „Догматическое богословіе“ Антонія), „другіе (митр. Макарій) напротивъ утверждаютъ, что оно есть таинство исцѣленія тѣлесныхъ болѣзней, а отпущеніе въ немъ грѣховъ больному есть нечто иное, какъ только дополненіе къ таинству покаянія“. 2) „Одни (іером. Михаилъ—„лучшій (!) сотрудникъ“ Миссіонерскаго Обозрѣнія)—что елеопомазаніе есть таинство смерти, оно готовитъ умирающаго человѣка къ смертному часу, чтобы исцѣлить человѣка отъ страха смерти, а тѣло приготовить на погребеніе“... а „другіе (Иннокентій) такое понятіе о таинствѣ елеопомазанія признаютъ латинскимъ заблужденіемъ“. 3) „Православное исповѣданіе“ требуетъ, чтобы это таинство совершаемо было священниками, а не другимъ кѣмъ. Епископы, значитъ (откуда же значитъ?), не могутъ совершать таинство елеопомазанія. Иное говорится въ богословіи еп. Сильвестра. Здѣсь свидѣтельствуется, что это таинство совершалось никѣмъ инымъ, какъ священно-служителями церковными, т.-е. епископами и пресвитерами“... (стран. 233—240).

Итого, три противорѣчія, но и эти немногія разнорѣчія въ вопросѣ о данномъ таинствѣ удалось изыскать Мельникову только при его уже достаточно установленной нами манерѣ не стѣсняться средствами при оправданіи намѣченной цѣли. Конечно, и здѣсь, какъ и ранѣе, авторъ „Блуждающаго богословія“ не стѣсняется въ нужныхъ случаяхъ одно не дочитать, другое по своему перефразировать, въ третьемъ вмѣсто одного понятія подставить другое и т. д. и въ тоже время не замѣтить, что самъ же выисканныя имъ и только кажущіяся противорѣчія подчасъ и сглаживаетъ, или, лучше сказать, устраняетъ. Напримѣръ: усвояя „Православному Исповѣданію“ ученіе о таинствѣ елеосвященія какъ о прощающемъ только грѣхи, онъ самъ же выписы-

ваетъ изъ него отвѣтъ о плодахъ таинства такой, который это усвоеніе изобличаетъ: „пользу и плоды, которые происходятъ отъ сего таинства, показываетъ апостолъ Іаковъ; они суть: прощеніе грѣховъ или спасеніе души и *здравіе тѣла*“, а еще выше „Православное Исповѣданіе“ усвояетъ таинству тоже что и апостолъ Іаковъ: „и воздвигнетъ его Господь и аще грѣхи будетъ сотворилъ, отпустятся ему“ (отвѣт. 117). Точно также и усвоеніе митр. Макарію ученія объ елеопомазаніи, какъ лишь уврачеваніи тѣлесномъ, несогласно съ словами послѣдняго, приведенными Мельниковымъ же: „отпущеніе грѣховъ чрезъ таинство елеосвященія есть нечто иное какъ восполненіе отпущенія грѣховъ въ таинствѣ покаянія, восполненіе не по недостаточности самаго покаянія для разрѣшенія всѣхъ грѣховъ, а по немощи больныхъ воспользоваться этимъ спасительнымъ врачествомъ во всей его полнотѣ и спасительности“. Значитъ, Макарій не отрицаетъ въ таинствѣ елеопомазанія элемента—прощенія грѣховъ, „Православное Исповѣданіе“ не отрицаетъ исцѣленія отъ болѣзней, и противорѣчія между ними въ дѣйствительности нѣтъ.

Ученіе „лучшаго сотрудника“ Миссіонерскаго Обозрѣнія іер. Михаила (нынѣ епископа старообрядческаго) въ выпискахъ Мельникова, дѣйствительно, близко къ латинскому взгляду на это таинство; но, во-первыхъ, Мельниковъ, по обычаю, вѣроятно, выписалъ не сполна, что говоритъ Михаилъ о таинствѣ, а только то, что ему нужно было, а во-вторыхъ, если бы и дѣйствительно Михаилъ Семеновъ держался такого воззрѣнія, то это его воззрѣніе надобно бы усвоить скорѣе старообрядческой церкви, въ которой онъ принятъ, при такомъ его ученіи, во епископы, чѣмъ православной, которая устами упоминаемаго самимъ Мельниковымъ архіеп. Иннокентія въ его „Обличительномъ богословіи“ именуетъ такое ученіе какъ у Михаила, „латинскимъ заблужденіемъ“ (стр. 238).

Наконецъ, разнорѣчіе въ отношеніи совершителей таинства—уже совершенно недобросовѣстная выдумка Мельникова. Если „Православное Исповѣданіе“ выразилось, что „тайна сія совершаема бываетъ отъ іереевъ и не отъ инаго коего“, ужели позволительно выводить отсюда, какъ дѣлаетъ это Мельниковъ, что послѣ этой фразы „епископы не могутъ совершать таинства елеосвященія“... Достаточно замѣтить, что раньше въ отвѣтѣ 117 та же книга говоритъ: „елеосвященіе уставися отъ Христа, понеже егда посылаша ученики своя по два, мазаху елеемъ многи немощныя и врачеваху“, Развѣ апостолы всѣ были священниками, а они самимъ Христомъ уполномочены были совершать елеопо-

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ

мазаніе, какъ же Православное Исповѣданіе, вопреки себѣ, можетъ лишить этого полномочія ихъ преемниковъ—епископовъ. Ясное дѣло, что, усвояя священникамъ совершеніе таинства, Православное Исповѣданіе предостерегаетъ лишь мірянъ отъ совершенія его своими неосвященными руками, а не епископовъ. И въ древности, современной происхожденію Православнаго Исповѣданія, какъ мы видѣли въ X гл., это таинство совершали у насъ не только епископы, но и патріархи.—Самъ же Мельниковъ разсказалъ объ этомъ, хотя и исказилъ Павла Алепскаго. Точно также и изъ словъ еп. Сильвестра, что „это таинство совершалось никѣмъ инымъ, какъ священнослужителями церковными, т.-е. епископами и пресвитерами“ — весьма странно выводитъ мысль, будто онъ усвояетъ право совершать это таинство преимущественно епископамъ, а не священникамъ.

XVI.

Послѣ установленной нами неосновательности, а подчасъ и лживости почти всѣхъ обвиненій Мельникова на православную Церковь и ея богослововъ, полагаемъ, очевидно для всякаго непредубѣжденнаго читателя, что гордое заявленіе этого начетчика, сдѣланное имъ въ предисловіи къ книгѣ будто онъ, „установитъ новый взглядъ на причины отдѣленія старообрядцевъ отъ Церкви, а старый ходячій взглядъ на расколъ, какъ на обрядовѣріе, разрушитъ до основанія“, въ отношеніи къ первой его части совершенно не оправдано имъ. Что „между старообрядчествомъ и господствующимъ исповѣданіемъ—глубочайшее разногласіе въ основныхъ догматахъ церковныхъ“—авторъ нисколько не доказалъ,—ереси ни одной онъ за Церковью не нашелъ и не обосновалъ, а между тѣмъ отъ традиціонныхъ причинъ обослабленія раскола (обрядовъ) торжественно и категорически отказался, и остался нашъ бѣдный обличитель вмѣстѣ съ своими послѣдователями на положеніи старухи изъ сказки Пушкина у разбитаго имъ же самимъ стараго своего корыта.

Какъ же, поэтому, странно звучитъ въ послѣдней главѣ „Блуждающаго богословія“ приглашеніе изъ устъ сидящаго у разбитаго имъ же обрядовѣрія идти къ этому сосуду удовлетворять жажду душевнаго спасенія“. Не лучше ли, наоборотъ, идти къ источнику воды живой, въ лоно Церкви православной, въ которой, какъ это доказываетъ довольно убѣдительно и само „Блуждающее богословіе“, „есть живая богословская мысль и притомъ такая, которая возможна лишь при наличности твердой

ИОТЕКА
АЛЬНОГО
ИГИОЗНОГО
ЗЕА

вѣры и живой религіозности". Русская Церковь водится духомъ жизни, а не опочила, подобно расколу, въ самодовольной косности, ея дѣятели стремятся исполнять, по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія, завѣтъ Христовъ о томъ, что должно безконечно познавать и уяснять истину. Эта Церковь, не смотря на все кажущееся блужденіе богословскихъ ея изысканій, въ чистотѣ хранитъ всѣ догматы вселенскаго Православія, а также Христопреданное другопреемственное священство съ полнотою Христовыхъ Таинъ.

Что же касается опасенія противорѣчій въ ученіи нашихъ богослововъ, то, конечно, они должны взять и возьмутъ урокъ изъ обличенія ихъ г-мъ Мельниковымъ: дабы быть болѣе осторожными и строгими въ своихъ выраженіяхъ о предметахъ и понятіяхъ, касающихся до вѣры и Церкви, особенно когда эти выраженія предаютъ печати или произносятъ въ публичныхъ собраніяхъ, но, съ другой стороны, нельзя не согласиться съ словами апостола Павла, что: „надлежитъ быть и разномыслiямъ между нами, дабы открылись между нами искусные" (1 Корѳ. XI—19) „in necessariis-unitas, in dubiis-varietas,—in omnibus—caritas. Единство—въ необходимомъ и важнѣйшемъ, различіе взглядовъ—въ спорномъ, любовь во всемъ", какъ говоритъ Викентій Лиринскій.

Н. А. Виноградскій.

20 апрѣля 1912 г.
г. Москва, духовная семинарія.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

(*Отдѣльный оттискъ изъ журн. „Братское Слово" за 1912 г.*).